ФР 810-88
1537-I
Allig 1

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ.

Для благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона.

Philosophia vitae humanae perfectio nec non mortis meditatio.

Кн. объемистой.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1821.

2-й экз.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Марта 1го дня 1821 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Михаилъ Каченовскій.*

Для людей мыслящихъ не будетъ казаться страннымъ, что сіи Основанія Логики не начинаются съ опредѣленій, какъ другія учебныя книги по сей части. Опредѣленія, слѣдствія наблюденій разума, тогда только полезны, когда мы сами выводимъ ихъ. Въ усиліи ума человѣческаго, приводить наблюденія свои и знанія къ единству, изъ многихъ разнообразныхъ понятій составлять одинъ опредѣленный рядъ понятій и находить имъ всѣмъ одну основную истину — въ семъ умственномъ усиліи состоитъ совершенствованіе разума, которое Философія имѣетъ цѣлію и предметомъ. Мало еще пользы въ томъ, чтобъ знать открытія великихъ умовъ; но должно знать, какъ сіи умы достигали извѣстныхъ знаній и открытій, чтобъ съ помощію тѣхъ же самыхъ средствъ и способовъ приобрѣтать новыя знанія и дѣлать новыя открытія.

Сію единственную цѣль — способствовать развитію мыслящей способности — имѣлъ я въ виду

въ предлагаемыхъ Основаніяхъ Логики. Опытныя начала Локковы и Дежерандовы по возможности старался я соединить съ благоразумнымъ Идеализмомъ Буле, незабвеннаго наставника моего, и знаменитаго Кизеветтера.

Если справедливо, что польза всякой науки тогда очевидна, когда мы, становясь сами изобрѣтателями ея истинъ, раскрываемъ способности свои: то и отъ Философіи тогда можно ожидать пользы, когда постигаемъ чудесныя силы души нашей, чтобъ стремиться къ высокому назначенію своему. Съ симъ намѣреніемъ въ началѣ, по руководству Шелинга, съ которымъ первый въ Отечествѣ нашемъ познакомилъ насъ почтенный Профессоръ Галичъ, предложено обозрѣніе того, что предстоитъ мыслящему для духовнаго совершенствованія.

Res ardua, vetustis novitatem dare, novis auctoritatem, obsoletis nitorem, obscuris lucem, fastiditis gratiam, dubiis fidem. Plin.

И. Д.

ВВЕДЕНІЕ.

Предварительныя понятія о Философіи.

Человѣкъ во всѣхъ странахъ и во всякое время чувствуетъ въ себѣ раскрытіе возвышенныхъ способностей разумной души. Несмотря на заблужденія, скрывающія спасительный и благодатный свѣтъ истины, только на небесахъ и для безплотныхъ существъ во всемъ блескѣ и немерцаемо сіяющей — не смотря на ето, всякой стремится къ тому, чтобъ или лучше ощущать, или лучше чувствовать, или лучше познавать. Совершенствованіе способностей умственныхъ, нравственныхъ и чувственныхъ обнаруживается и въ дикомъ состояніи, хотя въ различныхъ видахъ и въ разной степени, но всегда по законамъ опредѣленнымъ и постояннымъ, законамъ предвѣчнымъ, по которымъ произведена вселенная, человѣкъ и самая земля, имъ попираемая.

Въ семъ смыслѣ всякой человѣкъ размышляетъ или философствуетъ; безъ сомнѣнія лучше размышляетъ человѣкъ, образованный опытностію, или просвѣщенный науками; отъ того и всякая наука

имѣетъ свою Философію, или начала и основныя истины всѣхъ прочихъ истинъ.

Но благородная мыслящая способность недовольствуется такимъ приложеніемъ общаго смысла къ одному извѣстному предмету; она еще болѣе возвышается и самымъ началамъ и основнымъ истинамъ находитъ болѣе существенныя начала; она испытуетъ силы свои въ томъ, чтобъ показать основанія самой способности познавать, наблюдая силы разума, его дѣйствія, ихъ степень силы, открывая законы, по которымъ образована вселенная, и восходя во Святая Святыхъ. Въ етомъ отношеніи изслѣдованія мыслящей способности становятся сами по себѣ цѣлію и отдѣльною наукою познанія человѣческаго. Богъ, человѣкъ и природа — вотъ три предмета сего познанія и цѣль всѣхъ занятій Философа.

Вселенная, человѣкъ и все его окружающее есть изліяніе одного предвѣчнаго Свѣта свѣтовъ, развитіе одного и того же божественнаго начала. Сіе начало одинаково отражается и въ громадахъ безчисленныхъ міровъ, надъ нами вращающихся, и въ однодневномъ насѣкомомъ, какъ одинъ и тотъ же лучь отражается въ радугѣ, препоясующей небесный сводъ отъ востока до запада, и въ росѣ кратковременной.

Отъ сего начала во вселенной порядокъ, постоянство, красота, а въ человѣкѣ мудрость, добродѣтель, вкусъ. Отъ сего, несмотря на пространство и время, раздѣляющее людей, находимъ мы единство въ истинахъ разума, въ основаніяхъ нравственности и въ правилахъ изящнаго, также согласіе въ чувствахъ одного человѣка съ другимъ, согласіе человѣка съ предметами внѣшними. Правильная мысль, добродѣтельный поступокъ и произведеніе искусства есть одно и тоже — часть всеобщей гармоніи. Самое удовольствіе, ощущаемое нами отъ одного предмета, и неудовольствіе, происходящее отъ другаго, есть согласіе, или несогласіе насъ самихъ съ тѣмъ, или другимъ предметомъ. Божественное начало является во всякомъ произведеніи; оно связуетъ всѣ предметы и явленія природы, объемля ихъ собою; оно одно во всемъ и все въ немъ одномъ. Оно есть уже бытіе само по себѣ; вселенная — его порожденіе, непрерывное послѣдованіе перемѣнъ и явленій. Во всѣхъ сихъ явленіяхъ встрѣчаемъ единство, котораго развитіе слѣдуетъ одинакимъ, опредѣленнымъ законамъ, одинаково повторяющимся въ безчисленныхъ произведеніяхъ. Отъ того вселенная, какъ твореніе единаго Божества, одна и та же въ малѣйшей пылинкѣ и огромныхъ солнцахъ; вездѣ

гармонія, и нѣтъ смерти, которая есть только скрытая жизнь, мрачный переходъ къ большему и лучшему свѣту.

По симъ основаніямъ заключить должно, что *божественное вѣчное* начало, являясь въ различныхъ видахъ во вселенной, доводитъ разумъ нашъ до двухъ другихъ понятій *о конечномъ* и *безконечномъ*; соединяя разнообразіе въ единство и стремясь къ цѣлости, мы получаемъ первое; стремясь обратно отъ цѣлаго къ разнообразію и раздѣляя цѣлое на части, мы получаемъ второе.

По симъ же началамъ Философія раздѣляется на *Идеальную*, *Естественную* и на познаніе *Бога*.

Усматривая въ себѣ способность познавать, желать и чувствовать, необходимо доходимъ до раздѣленія Идеальной Философіи, или науки о разумѣ человѣка, на *Теоретическую*, *Практическую* и *Естетическую*. Предметъ первой составляютъ познанія, — второй поступки; послѣдняя занимается основаніемъ искусствъ.

Имѣя три рода понятій: о конечномъ, безконечномъ и вѣчномъ, раздѣлить можемъ Теоретическую, или Умозрительную Философію на теорію *конечнаго*, *безконечнаго* и *вѣчнаго*. Въ первой подлежатъ изслѣдованію нашему: 1) ощущенія, 2) чувствованія и 3) представленія ума; во вто-

рой: 1) пространство, служащее образованіемъ чувствованій души внѣшнихъ; 2) время, образующее чувствованія души внутреннія, и 3) взаимное соединеніе явленій и представленій. Въ послѣдней теоріи разсматриваются: 1) понятія, 2) идеалы и 3) умственныя созерцанія. Отсюда науки: *Психологія, Логика и Метафизика.*

Во второй части Идеальной Философіи или Практической, предметомъ первой степени размышленія, *конечнаго*, служатъ: 1) воля, 2) добродѣтель и 3) мудрость; второй степени, *безконечнаго*: 1) общества, 2) законодательство и 3) управленіе; третьей степени, *вѣчнаго*: 1) идея совершенствованія человѣчества, 2) идеалъ царствъ и 3) блаженство въ царствіи небесномъ, или идея о религіи. Отсюда науки: *Нравоученіе, Правовѣдѣніе* и *Вѣроученіе.*

Въ третьей части Идеальной Философіи, Естетической, гдѣ красота есть внѣшнее изображеніе внутренней, совершенной и всеобщей гармоніи, къ первой степени теоріи принадлежатъ искусства: 1) ваяніе, 2) архитектура и 3) живопись; ко второй: 1) мелодія, 2) размѣръ и 3) гармонія; къ третьей степени: 1) танцованье, 2) мимика и 3) вообще драма. От-

сюда науки: *Теорія Изящныхъ искусствъ, Поезія* и *Краснорѣчіе.*

Въ Умозрительной Философіи душа, дѣйствуя по собственному побужденію и по свободнымъ направленіямъ, чувствуетъ однако зависимость свою отъ внѣшности; она стремится къ тому, чтобъ олицетворить мысли свои. Здѣсь открывается, какимъ образомъ въ насъ внѣшнее ощущеніе и внутреннее чувствованіе соединяются и составляютъ представленія ума; показывается, какъ предвѣчныя формы мыслей, заключающіяся въ пространствѣ и времени, сливаются и становятся нераздѣльными и постоянными; предлагается, какъ отдѣльныя наблюденія соединяются въ одно цѣлое, возвышенное.

Въ Практической Философіи душа напротивъ возвышаетъ вещественность до степени духовности и какъ бы ее одушевляетъ. Здѣсь освобождается она отъ узъ необходимости, стремясь къ высшему порядку духовной свободы, и, сливая земную необходимость съ небесною свободою, приводитъ себя въ состояніе идеальное, къ самой мудрости; здѣсь лица обращаются въ идеи и образуются въ одно цѣлое; законы одушевляютъ сей составъ и понятія объ управленіи производятъ какъ бы новое, идеальное бытіе.

Человѣкъ еще больше возвышается, опредѣляя поступки лицъ общимъ понятіемъ человѣчества, предписывая себѣ высокій идеалъ законовъ и все сіе заключая единствомъ правды предвѣчной, божественной.

Въ Естетической Философіи душа, сама по себѣ свободная, изображаетъ себя въ изящныхъ произведеніяхъ. Здѣсь живо представляются очертанія тѣлесныя, идеальныя и самыя поверхности; изображаются внутреннія движенія наши; здѣсь представляются въ связи и соединеніи покой и движеніе.

Философія Природы представляетъ мыслящему новый, необозримый рядъ наблюденій. Она занимается всѣмъ видимымъ, изслѣдуя, какимъ образомъ божественное начало направляетъ всѣ существа по однимъ и тѣмъ же законамъ; она убѣждаетъ въ томъ, что духовное начало разлито во всѣхъ предметахъ, хотя непримѣтно для нашего зрѣнія. Разсматривая природу съ нижайшей степени образованія, получаемъ три теоріи: теорію природы грубой, или такъ называемой *неорганической*, образованной, или *органической* и *духовной*.

Слѣдуя однѣмъ и тѣмъ же началамъ, неорганическая природа представляетъ также три степени наблюденій: *конечнаго* —

1) длину, 2) ширину, 3) глубину; *безконечнаго* — 1) различныя силы, 2) притяженіе и отраженіе, 3) тяготѣніе; *вѣчнаго* — 1) свѣтъ, 2) теплоту, 3) цвѣтъ.

Органическая природа состоитъ изъ трехъ же степеней: *конечнаго*, какова 1) система небесныхъ силъ; *безконечнаго* — 2) строеніе растѣній; *вѣчнаго* — 3) организмъ животныхъ.

Но ето еще не довершаетъ всей лѣствицы существъ природы, одно съ другимъ связанныхъ и одно другое превышающихъ своимъ совершенствованіемъ: есть высшая природа, сама въ себѣ отражающаяся, имѣющая самопознаніе, и которая можетъ ставить себя передъ собою: сія природа есть *духовная*, живой образъ и подобіе Божества, единая, всеобъемлющая и раскрывающаяся въ безчисленныхъ представленіяхъ. Три степени духовной природы составляютъ: 1) *конечной* смыслъ, 2) *безконечная* фантазія и 3) *вѣчный* разумъ. Сими степенями начинается Философія Идеальная; ими оканчивается Философія Естественная; онѣ же сливаются въ Философіи высшей — въ познаніи начала Божественнаго.

Такимъ образомъ основанное ученіе Философіи утверждаетъ дѣятельность и свободу души, возвышаетъ ее надъ здѣшнею бренностію и сближаетъ съ Тѣмъ, Кого

она есть образъ и подобіе. Теорія дѣятельности души, упоминаемая Лейбницемъ, неотрицаемая Локкомъ и утвержденная Кантомъ, сдѣлала такой же переворотъ въ Философіи, какой сдѣлала въ Астрономіи теорія Коперника: не душа должна подчинять себя вліянію внѣшнихъ предметовъ, но все насъ окружающее ниже души, по своему образованію; ей свойственно надъ всѣмъ возвышаться, облагородствовать себя и готовиться къ безсмертію.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ заключить:

1) Божественное начало есть основаніе начала духовнаго и вещественнаго; оно жизнь всего живущаго; нижайшая точка духовнаго существа есть высочайшая степень существа вещественнаго, и на оборотъ.

2) Сіе начало одно есть первое вѣчное; оно порождаетъ два другія начала: конечное и безконечное; по основаніямъ одного мы части соединяемъ въ цѣлое; по основаніямъ другаго дѣлимъ цѣлое на части.

3) Божественное начало, заключенное въ двухъ частяхъ состава нашего: въ душѣ и тѣлѣ, заставляетъ каждаго изъ человѣка внѣшняго дѣлать себя человѣкомъ внутреннимъ, конечную вещественность нашу обращать въ безконечную духовность.

4) На сихъ трехъ началахъ основано раздѣленіе Философіи.

5) Изъ трехъ началъ выводятся три части Идеальной Философіи.

6) Каждая изъ сихъ трехъ частей одинаково дѣлится по тому же основанію на три степени.

7) Но какъ одно начало Божественное находится во всемъ и все въ немъ вмѣщается; то предметъ Философическаго наблюденія во всѣхъ знаніяхъ состоитъ въ дѣленіи единства на части, или въ приведеніи частей къ единству.

8) Теоретическая Философія какъ бы овещетворяетъ духовное; Практическая вещественное одушетворяетъ; Естетическая изображаетъ въ совокупности конечное ограниченіе духа и вмѣстѣ безконечное его возвышеніе.

9) Къ истинной наукѣ другихъ наукъ единственно можетъ вести насъ изслѣдованіе законовъ человѣческаго духа.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ.

ГЛАВА I.

Важнѣйшіе успѣхи въ Логикѣ. Части ея. Опредѣленіе цѣли и предмета.

Логика, со времени Елеатиковъ, у которыхъ родилась она, до Аристотеля, состояла въ однѣхъ топикахъ. Софисты, занимавшіеся науками болѣе изъ тщеславія, нежели изъ любви къ истинѣ, обратили ее въ искусство преній. *Аристотель* далъ сей наукѣ ученый видъ, приведя ее въ нѣкоторую систему. Онъ необъясняетъ составленія понятій, разложенія, происхожденія общихъ и отвлеченныхъ; однако уже видѣлъ потребность раздѣлить ихъ на извѣстные роды, каковы понятія мѣста, времени, количества, качества, положенія, отношеній, сущности. У него разсматривается строеніе рѣчи, хотя необъяснено употребленіе знаковъ и вліяніе ихъ на понятія и сужденія.

Остальныя части Аристотелевой Логики занимаются силлогизмами, которыхъ

самое утонченное знаніе непоказываетъ способа открывать истину. Все искусство силлогизмовъ древнихъ состоитъ въ томъ, чтобъ доказать техническимъ порядкомъ утвержденіе или отрицаніе предложеній, которыя кажутся сомнительными; познаніе же начальныхъ истинъ ни мало нераскрывается посредствомъ сей теоріи.

При всемъ етомъ произведеніе Аристотеля замѣчательно, какъ первое по сей части, какъ сочиненіе, разсѣявшее мракъ Скептицизма и заставившее забыть тѣхъ, которые вѣрили, что понятія наши служатъ образцемъ для предметовъ, между тѣмъ какъ въ нашихъ впечатлѣніяхъ заключается источникъ всѣхъ знаній.

Баконъ убѣдительнѣе показалъ, что всѣ человѣческія познанія состоятъ въ изслѣдованіи предметовъ насъ окружающихъ и что въ законахъ познаній должны мы искать первыхъ началъ истины. Онъ отвергнулъ Аристотелеву Аналитику и ограничилъ теорію Логики разсмотрѣніемъ происхожденія понятій посредствомъ впечатлѣній и составленія изъ нихъ познаній. Лейбницъ, Вольфъ, Декартъ, Маллебраншъ не могли усовершенствовать етой части, отклонясь отъ пути, по которому шелъ Баконъ. Гораздо болѣе вниманія заслуживаетъ *Гассендій*, начавшій учить разсуждать по опытамъ

Философовъ, предлагая ихъ мнѣнія, причины несогласія и слѣдствія.

Намѣренія Баконовы совершилъ *Локкъ*. Онъ раскрылъ теорію понятій; показалъ, что для точности и вѣрности знаній не нужны аксіомы, а правильное наблюденіе предметовъ. Локкъ прежде всего показываетъ происхожденіе понятій, потомъ ихъ составленіе и разложеніе, далѣе выраженіе и наконецъ опредѣляетъ знанія наши, ихъ свойство, обширность, дѣйствительность — вообще отличительные признаки истины. Сіе произведеніе замѣчательно для каждаго любителя успѣховъ ума тѣмъ, что читая его, начинаетъ всякой основательнѣе мыслить.

Кондильякъ видѣлъ, что еще многое оставалось объяснить, что умъ небылъ подробно изслѣдованъ, что должно было опредѣлить границы его знаній. Съ симъ намѣреніемъ написалъ онъ *О происхожденіи знаній человѣческихъ*. Но сей опытъ, какъ первое сочиненіе, не совсѣмъ былъ удаченъ; почему издалъ онъ *Изслѣдованіе ощущеній*, гдѣ самъ сознается въ ошибкахъ. Сими сочиненіями приготовилъ онъ себя къ *Логикѣ*, гдѣ показаны различныя способности души, составленіе понятій, дѣйствительность существованія нашего и предметовъ насъ окружающихъ, совершенствованіе знаній и

вліяніе на нихъ языка. Логика Кондильякова есть обозрѣніе собственныхъ его открытій; она можетъ служить руководствомъ для умовъ наблюдательныхъ, особливо если чтеніе ея соединяется съ сочиненіемъ: *Искусство мыслить* и съ *Исторіею Философіи.*

Кондильяку и Локку послѣдовалъ ученый *Де-Жерандо.* Сочиненіе его: *О знакахъ* или *Искусство мыслить*, совершенно раскрываетъ систему опытной Философіи и поправляетъ нѣкоторые недостатки Локка и Кондильяка.

Не говоря объ учебныхъ книгахъ, особливо Нѣмецкихъ, каковы: *Буле*, *Бутервека*, *Бендавида*, *Кизеветтера* и самаго *Канта*, отличающихся систематическою точностью, упомянуть можно о такихъ произведеніяхъ великихъ умовъ, которыя хотя неносятъ на себѣ пышнаго имени науки мыслить, но болѣе другихъ научаютъ правильному сужденію. Таково разсужденіе *Декартово* о методѣ, *Даламбертово* предисловіе къ Енциклопедіи, *Стуартова* Философія ума человѣческаго, Идеологія *Детю-Траси*, также *Боннетова* Психологія, Логика *Прево*, *Мармонтеля*, *Дюмарсе.*

Вотъ что лучшаго сдѣлано до сего времени въ Логикѣ и съ какихъ сторонъ разсматривали ее: отъ того столько раз-

личныхъ опредѣленій ея и раздѣленій. Мы прежде скажемъ, чего бы ожидать должно отъ науки о разумѣ — и тогда будемъ въ состояніи, по ея матеріяламъ, прилично опредѣлить и показать части.

Если возьмемъ себѣ за руководство въ Философіи разумъ или начало духовное и его совершенствованіе: то какъ приступить къ совершенствованію разума, не зная свойствъ или способностей его, законовъ сихъ способностей и способа, какимъ приобрѣтаемъ мы свои знанія? Прежде нежели можемъ открыть въ человѣкѣ законы разума, недолжно ли изслѣдовать, что служитъ связью существа разумнаго съ существами вещественными? Тутъ раждается вопросъ: чрезъ что получаемъ мы начальныя знанія и понятія, какъ развиваются способности умственныя и какъ образуются способности нравственныя?

Такимъ образомъ объяснивъ явленія міра, въ насъ изображающагося, мы въ правѣ спрашивать самихъ себя: нѣтъ ли законовъ, по которымъ мы такъ судимъ, а не иначе; почему мы можемъ быть увѣрены въ истинѣ и справедливости; нѣтъ ли такой же опредѣленной мѣры для сужденій, какая есть для сравненія величинъ; въ какомъ порядкѣ должны направлять ихъ и какое можно сдѣлать изъ сего примѣненіе къ нравамъ и произведеніямъ ума?

Изъ сего слѣдуетъ, что наука о разумѣ можетъ разсматриваема быть или сама въ себѣ, или въ отношеніи разума къ дѣйствіямъ нашимъ: въ первомъ случаѣ она представляется *чистою*, во второмъ *прикладною*. Но разсматривая разумъ въ его собственныхъ законахъ, встрѣчаемъ различные роды наблюденій. Однѣ наблюденія относятся къ изслѣдованію дѣйствій ума или способностей, ощущеній, представленій и происхожденія понятій; другія принадлежатъ къ составленію понятія, отвлеченія и раздѣленія. Отсюда слѣдуютъ и правила сужденій вѣрныхъ и точныхъ. Кромѣ сихъ, есть еще наблюденія, составляющія систему защищенія истины и опроверженія заблужденій. Все сіе есть предметъ трехъ частей чистой Логики: *Идеологіи*, *Аналитики* и *Діалектики*. Объясненіе способовъ наблюдать, испытывать, отвлекать, сравнивать; изложеніе методъ, ихъ характера, цѣли и употребленія каждой въ разныхъ наукахъ, средствъ ихъ совершенствованія; собраніе правилъ, нужныхъ для образованія душевныхъ способностей — памяти, воображенія, соображенія; показаніе познанія людей, благоразумнаго поведенія и образа жизни, осторожнаго чтенія, наблюдательнаго разбора писателей: вообще все, что относится къ тремъ главнымъ

предметамъ разума — къ изысканію *истины*, достиженію *добродѣтели* и образованію вкуса къ *красотѣ* — все сіе принадлежитъ къ Логикѣ прикладной. Ея приложеніе должно относиться къ наукамъ вообще — вразсужденіи методы; къ нравственности и искусствамъ, особливо къ языку — его ясности, опредѣленности и точности. Если къ етому присоединить сравнительное обозрѣніе различныхъ Философическихъ мнѣній о началахъ познаній, о признакахъ истины и успѣхахъ различныхъ методъ: тогда заключенія Логики могутъ быть столько же вѣрны, какъ заключенія Математическія.

По сему начертанію можно составить полное и подробное опредѣленіе Логики. Цѣль ея: *образованіе* и *совершенствованіе разума*; предметъ и кругъ дѣйствія: *способности и наблюденія впечатлѣній, ощущеній и понятій*. А какъ все въ природѣ, говоритъ Кантъ, происходитъ по извѣстнымъ правиламъ и законамъ; вселенная есть собраніе явленій правильныхъ и постоянныхъ; понятія наши заключаютъ такой же міръ со всѣми его законами: то слѣдуетъ, что *Логика* имѣетъ и прочное основаніе въ *законахъ мыслящей способности*.

ГЛАВА II.

Самоощущеніе. Ощущенія предметовъ. Свободная дѣятельность души.

Умъ заключаетъ въ себѣ такой же міръ, какой мы видимъ, со всѣми его законами. Изслѣдованіе способностей его составляетъ предметъ первой части чистой Логики, или *Идеологіи*.

Человѣкъ, происходя въ свѣтъ, продолжаетъ существованіе свое, по волѣ Промысла, передаваемое изъ рода въ родъ. Существованіе, какъ движеніе и жизнь, неразрывно соединено съ ощущеніемъ. Сіе ощущеніе бытія своего и есть то, что называемъ мы *самопознаніемъ*.

Всякая перемѣна въ существѣ, одаренномъ жизнію, не иное что, какъ существованіе и неразрывное съ симъ самоощущеніе. Самоощущеніе въ человѣкѣ, по преимуществу называемое самопознаніемъ, гораздо совершеннѣе; потому что сила, одушевляющая насъ, болѣе имѣетъ способовъ для перемѣнъ или для принятія впечатлѣній.

Раскрывая чувства, мы начинаемъ ощущать и постороннее существованіе — существованіе предметовъ, насъ окружающихъ. Прежде всего чувствуемъ перемѣ-

ны въ самихъ себѣ; потомъ начинаемъ чувствовать перемѣны отъ вліянія на насъ предметовъ.

Для того, чтобъ получать свѣдѣнія о предметахъ, потребны орудія; сіи орудія *въ чувствахъ:* зрѣніи, слухѣ, обоняніи, вкусѣ и осязаніи.

Но когда мы касаемся до чего нибудь, то чувствуемъ въ органѣ осязанія такія же разнообразныя движенія, каковы и впечатлѣнія. Сіи движенія производятъ въ насъ ощущеніе упругости или жидкости, твердости или мягкости, холода или теплоты. Если также смотримъ на цвѣты; то лучи свѣта, отражаясь на поверхности предметовъ, ударяютъ въ орудіе зрѣнія и производятъ въ немъ сотрясеніе. Когда слушаемъ звуки, то сотрясеніе звучнаго тѣла разливается въ воздухѣ и воздухомъ сообщается орудію слуха. Короче, при дѣйствіяхъ въ органахъ есть особенное ощущеніе, отличное отъ движенія. Изъ етаго слѣдуетъ заключить, что ощущенія не въ органахъ, но въ другомъ существѣ, отличномъ отъ тѣла и движенія орудій; ето существо есть *душа*. Душа сравниваетъ всѣ ощущенія, доставляемыя органами; онѣ всѣ въ душѣ соединяются. Если бы пять родовъ ощущеній принадлежали пяти разнымъ существамъ, какъ самыя движенія

принадлежатъ пяти различнымъ органамъ; то ни одно существо не могло бы сравнивать всѣ прочія; или, если бы ощущенія разливались по различнымъ особымъ существамъ, то небыло бы ни одного такого, которое могло бы судить. Ето убѣждаетъ въ томъ, что всѣ ощущенія вмѣстѣ находятся въ одномъ существѣ простомъ, какова душа.

Мы видимъ тѣла протяженныя и касаемся до нихъ, примѣчаемъ ихъ качества. Такимъ же образомъ и душа видитъ и какъ бы касается существъ, неимѣющихъ протяженія; потому что примѣчаемъ ея дѣйствія, состоящія въ мысляхъ. Но въ тѣлахъ мы видимъ однѣ качества; сущность ихъ неизвѣстна: равно, примѣчая дѣйствія души — умъ, волю, ощущенія, мы незнаемъ причины сихъ явленій. Всѣ же тѣла имѣютъ одинакія главныя свойства: непроницаемость, протяженность, и отъ нихъ происходящія; такъ и свойства души состоятъ въ различныхъ *ощущеніяхъ*, *желаніяхъ и познаніяхъ ума*.

Но спросятъ: какъ мы, зная только вещественное, насъ окружающее, представляемъ себѣ духомъ силу, насъ оживляющую, и что такое духъ? Если, отдѣляя свойства тѣлъ отъ ихъ вещественности, представляемъ себѣ вообще тол-

стоту, поверхность, протяженіе; отдаляя предѣлы, получаемъ представленіе безконечности: то неможетъ ли дойти разумъ, кромѣ сердечнаго увѣренія, и до понятія о духѣ, представляя себѣ безконечную утонченность? Таинственная связь мыслей нашихъ съ предметами, существа духовнаго съ вещественнымъ, возвышаетъ насъ къ Провидѣнію, предъ которымъ тотъ особенно благоговѣетъ, кто въ каждомъ произведеніи Его видитъ благость, а въ устройствѣ ума человѣческаго — премудрость и всемогущество.

ГЛАВА III.

Душевныя способности. Различныя представленія въ умѣ. Понятія.

Душевныя способности, относящіяся къ знаніямъ, называются *умственными*, а прочія — *нравственными*, или умомъ и сердцемъ. Но внѣшніе предметы прежде всего дѣйствуютъ на органы чувствъ; ихъ сотрясеніе сообщается внутреннему чувству: тогда въ человѣкѣ происходитъ какая-либо перемѣна; она называется *ощущеніемъ*.

Ощущеніе, которое производитъ въ человѣкѣ перемѣну, бываетъ приятное или неприятное. Первое удовлетворяетъ нуждамъ человѣка; отъ того всѣ желаютъ его: напротивъ, отъ другаго, какъ вреднаго, отвращаются. Здѣсь обнаруживается *воля*.

Ощущенія тогда становятся извѣстны, когда производятъ перемѣну. Принимая ощущеніе, душа еще непоказываетъ дѣятельности своей; она обнаруживается, когда замѣчаетъ свое ощущеніе. Въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ впечатлѣніе; въ другомъ сіе впечатлѣніе становится созерцаніемъ, наблюденіемъ. Тутъ начало *познанія*. Замѣченное ощущеніе называет-

ся *понятіемъ*; а способность понимать есть *разумъ*. Предметы замѣчаемъ мы посредствомъ вниманія; отъ его силы зависитъ ясность понятій; впечатлѣніе же и потребность впечатлѣнія опредѣляетъ ихъ мѣру.

Прежде всѣхъ ощущеній дѣйствуетъ на человѣка осязаніе; его дѣйствіе постояннѣе другихъ и продолжительнѣе. При дѣйствіи звука или запаха на слухъ и обоняніе мы чувствуемъ одно впечатлѣніе, и неразличаемъ иногда посторонняго дѣйствія отъ собственнаго. Но осязаніе вдругъ даетъ понятіе о чемъ-то постороннемъ и такомъ, что намъ непринадлежитъ. Безъ сомнѣнія въ ето время мы еще неможемъ понимать свойствъ тѣла; однако чувствуемъ, что оно существуетъ и что оно внѣ насъ. Здѣсь рождается *сужденіе*.

Одно понятіе не составляетъ сужденія; но видя ощущенія самихъ себя и предметовъ постороннихъ, мы относимъ его или къ предметамъ, какъ причинѣ его, или къ самимъ себѣ, какъ бы къ подлежащему. Въ семъ случаѣ ощущеніе становится вѣрнымъ опытомъ; ощущенія въ связи производятъ познанія; а порядокъ соединенія ихъ есть сужденіе.

Такимъ образомъ ощущенія посредствомъ вниманія переходятъ въ понятія;

а сужденіе обращаетъ ихъ въ познанія. Отсюда всѣ *науки*. Принимая понятій три главныхъ рода — понятія о Богѣ, о самихъ себѣ и предметахъ, можно раздѣлить и познанія на три главныя отрасли: *теологическія*, *моральныя и физическія*.

Теперь представимъ себѣ человѣка, пробуждающагося отъ сна, когда ощущеніе, производившее въ немъ перемѣны, снова на него дѣйствуетъ. Онъ узнаетъ его, находитъ въ немъ прежнее свое существованіе — и это есть *воспоминаніе*. Воспоминаніе можетъ также служить предметомъ сужденія; потому что прошедшее, какъ и настоящее, есть тотъ же самый опытъ. Мы утверждаемъ какое-либо происшествіе, познавая прежній образъ существованія, которое переносимъ въ настоящее время.

Если два ощущенія вмѣстѣ дѣйствуютъ на человѣка; тогда онъ неможетъ вникать въ каждое порознь: онъ ихъ смѣшиваетъ. Но когда изъ сихъ двухъ ощущеній одно старое, другое новое; тогда воспоминаніе, какъ бы становясь между ними, раздѣляетъ ихъ. Если сіи два ощущенія становятся двумя отдѣльными понятіями, когда мы обращаемъ на нихъ одинакое вниманіе, противуполагаемъ одно другому; тогда происходитъ сравненіе. Сравнивая два ощущенія, мы замѣчаемъ

ихъ сходство или разность, или взаимное отношеніе. И въ етомъ состоитъ опытное знаніе.

Сравненіе дѣйствуетъ и на волю; безъ него неимѣли бы мы желаній, потому что желаніе относится къ предмету уже знакомому. Мы также не могли бы свободно дѣйствовать; потому что дѣйствіе имѣетъ нужду въ побужденіи, а побужденіе состоитъ въ желаніи.

Различая ощущенія, которыя одно за другимъ дѣйствуютъ на органы чувствъ, начинаемъ дѣлать анализисъ. Анализировать значитъ разлагать понятіе сложное и вникать въ составныя его части.

Органъ, приведенный въ дѣйствіе отъ внѣшняго предмета, снова приходитъ въ дѣйствіе въ его отсутствіи; тогда сотрясеніе остается въ одномъ внутреннемъ органѣ — отъ того и новый образъ существованія. Человѣкъ ночью, невидя цвѣтовъ, которые днемъ поражали обоняніе его, думаетъ о нихъ; въ немъ нѣтъ ощущенія отъ цвѣтовъ, но есть та же перемѣна, какая была при самомъ ощущеніи. Свойство сихъ двухъ родовъ существованія одно и то же, кромѣ различія силы. Ета перемѣна есть одно только изображеніе въ сравненіи съ самымъ ощущеніемъ; способность же, которая производитъ сіи перемѣны въ насъ, есть во-

ображеніе. Здѣсь открывается уму новое поприще дѣйствій: мы сравниваемъ и различаемъ ихъ по тѣмъ же законамъ, по какимъ сравниваемъ и различаемъ самыя ощущенія. Всѣ сіи представленія, отношенія, какія умъ замѣчаетъ въ представленіяхъ — все, что воображается въ умѣ, есть идея. Въ семъ смыслѣ идея въ отношеніи къ понятію то же, что представленіе въ отношеніи къ ощущенію.

Идеи равно какъ и ощущенія служатъ предметомъ для воспоминанія. Иногда прежняя идея снова встрѣчается, и мы узнаемъ ее; иногда въ первый разъ представляемъ ощущенія, дѣйствовавшія на насъ, и узнаемъ въ етой идеѣ представленія самаго ощущенія, которое произвело въ насъ перемѣну. Такое воспоминаніе называется *памятью.* Посредствомъ сей-то способности разсуждаемъ мы не только о настоящемъ своемъ существованіи, но и о томъ, что мы прежде ощущали, или чѣмъ прежде были. Таково *происхожденіе способностей души* по системѣ опытной.

Не льзя неупомянуть здѣсь о несогласіи двухъ славнѣйшихъ Философовъ, Локка и Кондильяка. Англійской ученой вездѣ говоритъ съ чрезвычайною осторожностью, и только то, что совершенно для него ясно; у него часто встрѣчаются выраженія: какъ кажется, я ду-

маю, можно предполагать. Кондильякъ вездѣ говоритъ утвердительно; онъ упрекаетъ Локка и другихъ его послѣдователей, будто они впали въ заблужденіе, смѣшавъ воображеніе и память. Локкъ полагаетъ память въ томъ, что душа можетъ возобновлять прежнія ощущенія. Ето почитаетъ Кондильякъ несправедливымъ, необращая вниманія на то, что Англійской ученый послѣ прибавляетъ: „Мы не всегда можетъ производить ето; иначе мы забывали бы только то, что желали бы забыть, и воспоминали бы также по своему желанію.“ Вотъ мысли его:

Идеи наши не иное что, какъ представленія въ умѣ ощущеній; сіи представленія изчезаютъ, когда душа непримѣчаетъ ихъ. Если говорятъ, что есть идеи въ памяти, ето значитъ, что душа можетъ возобновлять прежнія представленія свои, сознавая, что она точно имѣла ихъ. Въ иныхъ ето происходитъ легче, нежели въ другихъ, или живѣе и сильнѣе. Посредствомъ сей способности мы сохраняемъ всѣ идеи и возобновляемъ предметы мыслей своихъ въ отсутствіи чувственныхъ качествъ предметовъ, сдѣлавшихъ первоначальное ощущеніе въ душѣ.

Вниманіе и повтореніе утверждаютъ идеи въ памяти. Тѣ идеи, съ которыми соединено удовольствіе или неудовольствіе,

дѣлаютъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Главное назначеніе чувствъ состоитъ въ томъ, чтобъ показывать полезное и вредное для тѣла нашего; и потому нѣкоторыя идеи сопровождаются неудовольствіемъ какъ бы для того, чтобъ въ дѣтяхъ замѣнить разсудокъ, а въ людяхъ взрослыхъ, дѣйствуя скорѣе разсудка, предостерегать отъ вреда.

Иныя идеи происходятъ отъ такого впечатлѣнія, которое однажды поразило чувства наши; бываютъ впечатлѣнія, хотя частыя, но безъ вниманія замѣчаются. Есть люди, которые съ большимъ вниманіемъ и часто повторяютъ однѣ и тѣ же идеи, при всемъ томъ имѣютъ слабую память. Множество идей у всякаго пропадаетъ отъ того, что онѣ невозобновляются. Въ другихъ примѣчается память, заслуживающая удивленіе; но и въ такихъ людяхъ многія идеи теряются, если не бываютъ возобновляемы. Такъ многія идеи дѣтства нашего прежде насъ умираютъ. Я неизслѣдую, говоритъ Локкъ, отъ чего происходитъ разность, что въ иныхъ память сохраняетъ все, какъ бронза, въ другихъ она непостоянна; только то не оспоримо, что здоровый составъ и образованіе человѣка имѣютъ на нее большое вліяніе; отъ того въ болѣзняхъ истребляются идеи. Горячка въ нѣсколько дней изгла-

живаетъ самыя вѣрныя идеи. Не должно смѣшивать идей и понятій приобрѣтаемыхъ съ дѣятельностію души врожденною. Однѣ иногда теряются; другая неизмѣнна, безсмертна.

Человѣкъ размышляющій можетъ вспоминать отсутствующіе предметы безъ помощи всякаго посторонняго предмета; ето всякой знаетъ по собственному опыту. Воображеніе принимаетъ Локкъ за видъ ея; отъ него память становится легче, скорѣе, живѣе. Ето различіе зависитъ также отъ различнаго образованія и расположенія органовъ нашихъ и ума, смотря потому, какъ они поражаются предметами физическими, или моральными. Кто имѣетъ острую память, но холодное воображеніе, разскажетъ читанное имъ сочиненіе со всею точностью; а у кого воображеніе пламеннѣе, тотъ представитъ ту же піесу живѣе и выразительнѣе.

Несогласіе между Локкомъ и Кондильякомъ состоитъ въ томъ, что послѣдній различаетъ память и воображеніе какъ особыя способности, почитая одну выше другой; первый принимаетъ сіи способности за одну въ разной степени. Животныя припоминаютъ себѣ прежнее присутствіемъ самихъ предметовъ; человѣкъ, имѣя даръ слова и употребляя знаки,

имѣетъ память гораздо обширнѣе. Кондильякъ называетъ воображеніе возобновленнымъ представленіемъ прежняго ощущенія; а память, по его мнѣнію, возобновляетъ признаки, имена и обстоятельства предмета. По сей-то причинѣ животныя, неимѣя знаковъ языка, неимѣя по сему и идей отвлеченныхъ, составляющихъ связь обстоятельствъ, способны только воображать, а не памятовать. Алгебра, говоритъ онъ, доказываетъ, что всѣ сложныя способности ума, каково сужденіе, умозаключеніе, неговоря о желаніяхъ, страстяхъ и другихъ нравственныхъ способностяхъ, что все совершенство разума зависитъ отъ *дара слова* и употребленія различныхъ *знаковъ*. Величины знаемъ мы по знакамъ или цыфрамъ; безъ знаковъ немогли бы сохранить идей о нихъ. Числа два или три понимаемъ мы чрезъ представленіе столькихъ же отдѣльныхъ предметовъ. Идучи далѣе въ сихъ величинахъ, мы должны принимать многія единицы за одну, и для того соединять или примѣнять ихъ къ одному предмету. Локкъ замѣчаетъ о нѣкоторыхъ Американцахъ, съ коими самъ онъ разговаривалъ, что они неимѣли понятія о количествѣ тысяча; потому что у нихъ счетъ простирался только до двадцати. Изъ етого слѣдуетъ, что успѣ-

хи наши въ знаніи чиселъ и величинъ зависятъ отъ точности, съ какою присоединяемъ единицу къ единицѣ и каждому прибавленію даемъ названіе, отличающее его отъ того, которое слѣдуетъ. Идеи чиселъ, отдѣленныя отъ знаковъ, немогутъ быть вразумительны. Маллебраншъ думалъ, что числа разума выше тѣхъ, которыя получаемъ чрезъ чувства. Сей же предразсудокъ встрѣчаемъ въ Платонѣ и послѣдователяхъ его. Но если бы спросили, что такое тысяча? Не иначе можно отвѣчать, какъ назвавъ ее собраніемъ единицъ. По сему нельзя сомнѣваться и въ томъ, что повѣствуетъ Де-ла-Кондаминъ о народѣ, который незнаетъ считать болѣе трехъ; потому что въ счетѣ его нѣтъ системы или порядка.

Такимъ же образомъ необходимы знаки и въ другихъ наукахъ; слова тоже, что цыфры, въ отношеніи къ идеямъ. Мы часто разсуждаемъ объ ощущеніяхъ своихъ, припоминая себѣ ихъ имена или обстоятельства. Воображеніе возбуждаетъ ихъ по причинѣ связи ихъ съ знаками. Ограниченный разумъ человѣка, помощію знаковъ, соединяетъ идеи въ одно представленіе: такъ съ словомъ золото привыкаемъ соединять въ умѣ своемъ всѣ свойства сего металла. Слова и другіе знаки въ умѣ нашемъ занимаютъ мѣсто предме-

товъ. Свойства вещей немогли бы существовать внѣ насъ безъ самихъ предметовъ, гдѣ онѣ, какъ въ средоточіи, соединяются: такъ ихъ идеи или представленія несуществовали бы въ умѣ нашемъ безъ знаковъ, въ которыхъ онѣ также соединяются.

Необходимость знаковъ для памяти еще примѣтнѣе въ понятіяхъ первоначальныхъ. Могъ ли бы считать тотъ, кто повторялъ бы только: одинъ, одинъ, безъ всякаго знака для каждаго рода величинъ? Точно также нельзя бы разсуждать о предметахъ нравственныхъ, если бы небыло знаковъ для каждаго представленія. Отнимите у разума употребленіе письма: сколькихъ лишится онъ познаній. Отнимите еще даръ слова: вы увидите человѣка въ состояніи глухонѣмыхъ. Отнимите наконецъ и послѣдніе знаки — тѣлодвиженія: вы увидите въ немъ безуміе. Напротивъ между непросвѣщеннымъ и образованнымъ едва ли не болѣе разстоянія, нежели между безсловеснымъ и человѣкомъ. И какихъ успѣховъ въ просвѣщеніи не должно бы ожидать, если бы исполнилось предположеніе Философовъ — составленіе всеобщаго языка.

ГЛАВА IV.

Происхожденіе понятій. Есть ли общія врожденныя истины? Что значатъ общія правила нравственности.

Изъ всѣхъ таинствъ и чудесъ, насъ окружающихъ, болѣе всего поражаетъ связь существа духовнаго съ вещественнымъ. Справедливо сказалъ Паскаль, „что человѣкъ для себя самаго есть самый удивительный предметъ въ природѣ.“ Если вы представите себѣ вселенную, поражающую взоръ, гармонію потрясающую слухъ, вкусъ яствъ и обоняніе запаховъ, осязаніе теплоты и холода, мягкости и твердости, фигуры и протяженія — представите другой обширнѣйшій міръ нравственный — порядокъ и устройство, въ какомъ все живописуется въ умѣ нашемъ, какъ мы помнимъ все прежнее и по прежнему заключаемъ о будущемъ: то недолжны ли удивиться премудрости Всемогущаго, сознаться въ слабости разума своего, и въ молчаніи благоговѣть предъ волею Высшею.

Но сіе же высокое существо человѣка, существо духовное, разумное, безсмертное — сія ентелехія, квинтессенція — самая душа, назначенная къ совершенст-

вованію, небываетъ довольна неизвѣстностью, сомнѣніемъ, неопредѣленностью. Она безпрестанно стремится къ цѣли своей — и ненаходя здѣсь долу образца своего, паритъ къ началу, Свѣту свѣтовъ.

О происхожденіи понятій, о томъ, какъ предметы со всѣми качествами изображаются въ умѣ нашемъ — прежде ли отъ рожденія сіи изображенія находятся въ насъ, или приобрѣтаются извнѣ, и какимъ образомъ: о семъ предметѣ спорили въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ; онъ раскрытъ въ Лицеѣ и Портикѣ, и объясненъ Локкомъ. Оставляя умозрѣнія метафизическія, собственно принадлежащія къ Психологіи, послушаемъ Локка о томъ только, что относится къ Логикѣ.

Многіе думаютъ, что въ *душѣ нашей есть врожденныя общія понятія, съ которыми будто выходитъ она въ сей міръ.* Но къ чему предполагать въ душѣ предвѣчныя начертанія, каковы начертанія красокъ, когда получила она орудіе для сего — зрѣніе, на которое дѣйствуютъ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ? Какъ предполагать предначертанныя въ душѣ познанія, когда онѣ зависятъ отъ природы насъ окружающей, отъ наставниковъ юности нашей, отъ собственныхъ опытовъ въ жизни? — Гово-

рятъ, есть истины для всѣхъ общія, и потому понятія должны быть врожденныя. Хотя и нѣтъ такихъ общихъ для всѣхъ истинъ; однако, если бы и согласились мы, что онѣ существуютъ: и тогда неслѣдовалобъ почитать ихъ за врожденныя; потому что въ каждой странѣ, для каждаго человѣка есть особые способы, которыми достигаетъ онъ до ихъ познанія. Тѣ же аксіомы, которыя инымъ ученымъ кажутся слишкомъ легкими, совершенно неизвѣстны большей части всего человѣчества. Сверхъ того, если бы сіи истины были врожденныя: онѣ были бы вразумительны для дѣтей, для каждаго возраста, пола и состоянія людей. Но кто видалъ, чтобъ дѣти, или подобные умомъ дѣтямъ дикіе разсуждали объ истинахъ богословскихъ, философическихъ, математическихъ? Говорить же, что сіи понятія начертаны въ душѣ, но она не всегда примѣчаетъ ихъ, значило бы противорѣчить и уничтожать врожденность ихъ. Едва ли въ етомъ случаѣ вся сбивчивость непроисходитъ отъ сбивчиваго понятія слова *врожденный*. Нехотятъ ли разумѣть подъ етимъ врожденную способность души познавать предметы? Ето безъ сомнѣнія неоспоримо. Въ противномъ случаѣ говорить, что вещь находится въ разумѣ и разумъ незамѣчаетъ ея, зна-

чить утверждать, что вещь въ одно и то же время существуетъ и несуществуетъ.

На это отвѣчаютъ: *люди узнаютъ сіи общія истины, когда обнаруживается въ нихъ употребленіе разума.* По этому всѣ аксіомы, всѣ правила нравственности, всѣ заключенія въ наукахъ физическихъ и другихъ, выводимыя изъ сравненій, наблюденій и опытовъ — все это врожденное; Баконъ, Ньютонъ, Монтескье должны стоять наравнѣ съ дикимъ Кафромъ, Гренландцемъ и Патагонцемъ! Гдѣ же труды цѣлой жизни, посвящаемые изслѣдованію истины? Гдѣ выспреннее, постоянное стремленіе къ проницанію таинствъ природы? Гдѣ безпрерывное совершенствованіе души, чрезъ которое приближается къ предвѣчному началу и ему уподобляется? Чѣмъ объяснить неравенство знаній, когда бы всѣ онѣ были у всѣхъ начертаны? Но если согласиться и на то, что помощію разума открываются истины, приобрѣтаются знанія: не то же ли это будетъ значить, что разумъ приучаетъ глаза наши къ разсматриванію предметовъ, или что нужда привлекаетъ вниманіе наше на предметы; они поражаютъ чувства, а чрезъ нихъ доставляются свѣдѣнія и душѣ. Скажутъ: это значило бы отвергать высшую бла-

гость и милосердіе, запечатлѣнныя въ человѣкѣ врожденными понятіями. Странное сужденіе! Вселенная, служащая предметомъ наблюденій — способность души сравнивать, отвлекать, не есть ли ето важнѣйшій предметъ удивленія, носящій на себѣ отпечатокъ Божества? Неоспоримо, что всякое познаніе требуетъ наблюденія, труда, постоянной дѣятельности; а утверждать, что для открытія предначертанныхъ истинъ, или для руководства разума потребенъ сей же самый разумъ, есть предположеніе странное.

Разберемъ еще ето предложеніе. Говорятъ, что съ укрѣпленіемъ силъ разума развертываются врожденныя знанія. Ето предложеніе несправедливо и потому, что прежде аксіомъ, будто бы всѣмъ общихъ, всякой узнаетъ множество свѣдѣній частныхъ, болѣе или менѣе другимъ извѣстныхъ. Сколько дикихъ, которые, достигнувъ зрѣлаго возраста, проводятъ жизнь свою и до глубокой старости, неимѣя никакого понятія объ истинахъ или правалахъ общихъ. Да и какъ отдѣлить время, когда узнаемъ такія истины, отъ того времени, когда знакомимся съ другими познаніями?

Посмотрите на средства, какими разумъ познаетъ истины. Прежде всего чувства наполняютъ его множествомъ различ-

ныхъ понятій; онъ постепенно привыкаетъ къ нимъ, удерживаетъ въ памяти, и, для сохраненія порядка, даетъ имъ названія. Съ большею опытностью распространяется кругъ его приобрѣтеній: онъ сравниваетъ и выводитъ новыя заключенія, изъ наблюденій составляетъ правила — и такимъ образомъ рождаются неизмѣнныя начала, постоянные законы наукъ. Но если мы, достигнувъ сихъ конечныхъ умозаключеній, послѣднихъ дѣйствій и усилій ума, почитаемъ ихъ за начало и основаніе, забывая настоящій источникъ размышленій своихъ; то ето происходитъ отъ той же причины, по которой мы во всякомъ дѣлѣ, приходя къ концу, забываемъ труды, понесенные для его исполненія. Начиная легко писать, думаешь, что съ етимъ умѣньемъ родился. И какая бы нужда была убѣждать другихъ въ томъ, что такъ называемыя общія истины врождены каждому, если бы онѣ дѣйствительно впечатлѣвались и рождались вмѣстѣ съ человѣкомъ. Но самое несогласіе въ главномъ положеніи касательно понятій непоказываетъ ли несправедливости сего мнѣнія? Для человѣка, повторяющаго мысли другаго — для человѣка, который страшится всякаго разсужденія, напряженнаго вниманія — для такого все врожденное; онъ согласенъ и

невѣжество свое почитать для себя необходимостью врожденною. Не таковъ человѣкъ мыслящій; онъ увѣренъ только въ томъ, что понимаетъ; а понимать можно ощущенія, впечатлѣнія предметовъ и наблюденія души надъ собственными своими дѣйствіями.

И такъ соединимъ всѣ мысли свои:

1. Истинъ, почитаемыхъ общими, врожденными, совершенно нельзя назвать такими; потому что большая часть людей неимѣетъ о нихъ никакого понятія.

2. Если бы онѣ были врождены, то были бы извѣстны прежде всякой другой истины; напротивъ, прежде ихъ узнаемъ мы множество частныхъ свѣдѣній, по мѣрѣ предметовъ, насъ окружающихъ.

3. Тѣ, которымъ онѣ извѣстны, знакомы съ ними бываютъ послѣ долговременной опытности.

Ето ведетъ къ тому заключенію, *что понятія и на нихъ основанныя познанія неврождены въ человѣкѣ, а приобрѣтаются воспитаніемъ, ученіемъ, опытностью.*

Полагаютъ, что *правила нравственности также суть общія всѣмъ, врожденныя.* Если бы сказали, что вѣрность и правосудіе суть правила всѣмъ общія; то можно бы и етому противурѣчить. Приведите себѣ на мысль по-

степенное образованіе обществъ. Какія правила можно встрѣтить между дикими ордами, скитающимися изъ одной страны въ другую, или между народомъ, живущимъ грабежемъ? А такихъ сколько еще можно найти въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Первыя же постановленія, основанныя на правилахъ правоты и честности, являются въ обществахъ нѣсколько образованныхъ, между народомъ, занимающимся или земледѣліемъ, или торговлею. Тамъ самая нужда во взаимной помощи заставляетъ исполнять взаимныя обязанности и любить свое счастіе, дорожить счастіемъ другаго, знать, что безъ блага общаго не можетъ быть блага частнаго. Здѣсь рождаются правила, постановленія, законы подъ руководствомъ вѣрности и правосудія.

Мнѣ скажутъ, что люди иногда поступаютъ противъ правилъ, запечатлѣнныхъ въ душѣ. А я думаю напротивъ: мысли человѣка можно познавать изъ поступковъ его. Если бы сіи правила нравственности рождались съ человѣкомъ; то вѣрно для того, чтобъ онъ исполнялъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Согласенъ, что природа вложила во всѣхъ желаніе благополучія и отвращеніе отъ неприятностей: это склонность, а не правила, въ умѣ начертанныя. Предлагайте дикому, который по рожденію своему сходенъ съ просвѣщен-

нымъ, предлагайте ему правило: дѣлай другому то, чего желалъ бы себѣ; онъ вѣрно потребуетъ на ето объясненія. Но то, что требуетъ доказательства, кажется, не есть врожденное, а приобрѣтаемое. Всѣ и вездѣ любятъ добродѣтель; потому что добродѣтель для всѣхъ и вездѣ полезна. Но какъ виды и намѣренія людей въ разныхъ странахъ и въ разныя времена чрезвычайно различны, отъ того такое множество мнѣній о добрѣ и злѣ. Говорятъ, совѣсть упрекаетъ насъ въ проступкахъ нашихъ, и потому должны быть начертаны въ душѣ правила, которымъ иногда мы измѣняемъ. Но мы исправляемъ себя раскаяніемъ въ проступкахъ своихъ, точно также какъ и во всякомъ другомъ случаѣ относительно къ дѣйствіямъ ума, или размышленіемъ, или правилами другихъ, и мнѣніе, какое сами имѣемъ о своихъ поступкахъ, тогда называемъ совѣстью, сознаніемъ.

Если бы сіи правила были врожденныя; то какимъ образомъ могли бы ихъ нарушать? Не было ли обычая подвергать дѣтей своихъ голоду, или оставлять звѣрямъ на снѣденіе? Есть и теперь земли, гдѣ дѣтей погребаютъ живыхъ вмѣстѣ съ матерями ихъ, если астрологъ скажетъ, что они родились подъ несчастнымъ созвѣздіемъ. Въ другихъ мѣстахъ сыновья

безъ угрызенія совѣсти закапываютъ въ землю живыхъ престарѣлыхъ отцовъ своихъ. Многіе островитяне больныхъ осуждаютъ большею частію на смерть. Гарцилласо-де-ла-Вега повѣствуетъ, что въ Перу нарочно откармливаютъ дѣтей въ снѣдь, и даже самыхъ женъ, неспособныхъ къ дѣторожденію. Турки благоговѣютъ предъ извѣстнымъ классомъ людей, которыхъ образъ жизни нельзя описать безъ стыда и отвращенія.

Гдѣ же знанія, начертанныя въ человѣкѣ при рожденіи его, правила общія, неизмѣняемыя? И сколько мы видимъ случаевъ, сколько примѣровъ, что уважаемое людьми свѣтскими для мудраго кажется непозволительнымъ. Иной достигаетъ почестей и достоинствъ низостію, ласкательствомъ; другой обогащается на счетъ ближняго; въ иномъ мѣстѣ проливаютъ кровь за мнимую честь, за мнимую обиду: не уже ли ето все происходитъ по предначертаннымъ правиламъ?

Изъ сего также видно:

1. Что правила поступковъ не для всѣхъ суть общія.

2. Что онѣ часто одно другому противорѣчатъ.

3. Что онѣ зависятъ отъ понятія, какое каждой имѣетъ о благополучіи.

И потому можно заключить, что и *онѣ невроженныя, но приобрѣтаются опытностію, какъ и всѣ другія познанія;* потому что способъ судить, состоящій въ сравненіи предметовъ, есть общій для всякаго рода знаній.

И такъ, если представимъ себѣ, что душа въ самомъ началѣ своемъ подобна воску; то какимъ образомъ получаетъ она все множество идей, которыя имѣемъ мы о Божествѣ, человѣкѣ и природѣ? Откуда сіи понятія, служащія основаніемъ всѣхъ умствованій, всѣхъ наукъ? Локкъ отвѣчаетъ на ето: *Опытность есть основа всѣхъ знаній; отсюда получаютъ онѣ происхожденіе свое.* Мы наблюдаемъ или все насъ окружающее, или внутреннія дѣйствія ума нашего, или переходя отъ дѣйствій къ причинамъ, возносимся до понятій о Всевышнемъ Существѣ.

Чувства наши, поражаемыя предметами, доставляютъ душѣ различныя ощущенія, смотря потому, какъ сіи предметы дѣйствуютъ на чувства. Такъ мы приобрѣтаемъ идеи бѣлаго, тонкаго, твердаго, сладкаго и всего, что называется качествомъ физическимъ. Сей источникъ идей есть *чувственность.* Другаго рода идеи относятся къ дѣйствіямъ души, каковы: *желанія, страсти* — ето *внутреннее чувство,* или собственно *душа.* Отъ сего

внутренняго чувства иные отдѣляютъ высшую способность — *разумъ*, котораго дѣйствія состоятъ въ способности *мыслить*, *думать*, *разсуждать*, *познавать* — или что называютъ по преимуществу *духомъ*. Сія способность обнаруживаетъ дѣйствія свои надъ идеями, полученными чрезъ чувства.

Изъ етого слѣдуетъ, что нѣтъ ни одной идеи, которая бы непроисходила изъ котораго-либо изъ сихъ источниковъ. Видимые предметы доставляютъ уму понятія о чувственныхъ качествахъ посредствомъ ощущеній, какія производятся ими; кромѣ сего разумъ замѣчаетъ собственныя свои дѣйствія. Все ето дѣйствительно убѣждаетъ въ томъ, что *всѣ произведенія ума нашего проходятъ чрезъ чувства*. И нетолько воспоминанія о прежнихъ ощущеніяхъ, изображенія остающіяся въ памяти; но понятія рода и вида, идеи отвлеченныя — все имѣетъ одинъ начальный источникъ — чувства.

Сія опытная система обезображена была матеріалистами. Они смѣшали понятія вещей, доставляемыя мыслящему существу чувствами, съ сужденіями, которыя душа изъ сего составляетъ, сравнивая идеи и дѣлая свои умозаключенія. На етомъ странномъ смѣшеніи столь

разнородныхъ дѣйствій ума основаны ихъ софизмы.

Еще одно замѣчаніе о происхожденіи понятій. Спрашиваютъ: чему должно приписать дѣйствіе самаго ощущенія — предметамъ ли, или органамъ чувствъ? Почему увѣриться въ дѣйствіи органовъ и впечатлѣніяхъ предметовъ? — Въ дѣйствіи способностей своихъ убѣждаемся мы тѣмъ, что можемъ употреблять ихъ; а въ дѣйствительномъ существованіи предметовъ увѣряемся потому, что они дѣлаютъ впечатлѣнія, нами ощущаемыя. Но сіи впечатлѣнія, замѣчаетъ Локкъ, непринадлежатъ ни предметамъ, ни органамъ, чрезъ которыя получаются впечатлѣнія; онѣ принадлежатъ существу чувствующему и мыслящему — душѣ. Она собственно ощущаетъ и судитъ о своихъ ощущеніяхъ.

Если же умъ человѣческій пожелалъ бы проникнуть далѣе, узнать качество и сущность сего существа — какимъ образомъ предметы дѣйствуютъ на существо духовное и какъ оно дѣйствуетъ на тѣло наше — ето познаніе свыше силъ человѣческихъ. Связь души съ тѣломъ есть одно изъ таинствъ Создателя.

ГЛАВА V.

Составленіе понятій. Опредѣленіе ихъ. Законы мыслящей способности.

Если понятія наши представляютъ собою предметы вселенной, которая существуетъ законами постоянными; то и разумъ долженъ имѣть опредѣленные законы въ составленіи, разложеніи и соединеніи понятій. Ето составляетъ предметъ *Аналитики*, второй части чистой Логики. Прежде нежели приступимъ къ дѣйствіямъ разума сложнымъ, каковы сужденія, умозаключенія, разсмотримъ составъ понятій. Послѣдуемъ въ етомъ случаѣ примѣру испытателей природы: вникнемъ въ отличительныя свойства понятій, и тогда будемъ въ состояніи раздѣлить ихъ на разные роды; тогда увидимъ, по какимъ началамъ и основаніямъ разумъ дѣйствуетъ.

Въ природѣ нѣтъ ниодного существа безъ какого-либо качества; все, что поражаетъ чувства наши, имѣетъ чувственныя свойства. Отъ того воспоминаніе ощущенія заключаетъ понятіе о предметѣ и его качествѣ. Въ мысляхъ нашихъ, равно какъ въ природѣ, сказуемое такъ свя-

вано съ подлежащимъ, что одно *названіе вещи выражаетъ и качество.* Такъ названіе животнаго означаетъ существо чувствующее; благотворительность — склонность дѣлать другому то, чего самъ желаешь; Триптолемъ — изобрѣтателя земледѣлія.

Но всякой предметъ, о которомъ должны мы имѣть познаніе, долженъ быть нами представленъ и согласенъ съ мыслями нашими. Мыслить же значитъ изчислить всѣ признаки предмета или отличительныя свойства. Изчисляя признаки, мы можемъ спрашивать: ко сколькимъ предметамъ относится представленіе, какія свойства его и въ какомъ оно отношеніи къ другимъ представленіямъ и познанію разума. Ето основаніе всякаго наблюденія понятій послужило Канту къ составленію *формъ* его, или категорій: количества, качества и отношеній. О чемъ бы мы ни размышляли, всегда, желая разсуждать правильно, должны съ сихъ сторонъ разсматривать свое понятіе. По етому мы и находимъ въ иныхъ представленіяхъ такіе *признаки*, которые приличны только *одному* предмету: такъ всемогущество есть свойство одного Божества; другіе приличны *многимъ:* добродѣтель общее свойство въ понятіи мудрости; потому что относится и къ справедливости и

другимъ. Сіи признаки бываютъ *внутренніе* и *наружные*, *существенные* и *случайные*, *непосредственные* и *посредствующіе*. Безъ первыхъ понятіе существовать неможетъ: таковъ признакъ *разумъ* въ понятіи *человѣка*. Всѣ прочія свойства не суть существенныя; потому что и богатый и бѣдный, и вельможа и простолюдинъ, и просвѣщенный и дикій отличаются симъ свойствомъ отъ всѣхъ прочихъ твореній.

Такимъ образомъ, встрѣчая подобныя частныя представленія или *воззрѣнія*, находимъ, что онѣ имѣютъ многіе признаки общіе, а въ другихъ разнятся. Благотворительность, кротость, великодушіе имѣютъ то общаго, что всѣ клонятся къ пользѣ ближняго. Отдѣляя сіе общее имъ свойство въ одно особое представленіе, получаю такое, которое къ нимъ всѣмъ относится — ето есть *понятіе* добродѣтели.

Изъ сего слѣдуетъ, что для составленія понятія нужно: *сравненіе* нѣсколькихъ представленій, *отдѣленіе* отъ нихъ общаго свойства и *соединеніе* сихъ одинакихъ свойствъ въ одно цѣлое.

Сія истина ведетъ къ другой: изъ каждаго понятія можно составлять новыя отдѣленіемъ или *отвлеченіемъ* какого-либо признака, пока доходимъ до понятій простыхъ, нераздѣлимыхъ или высшихъ;

и на оборотъ, можно производить новыя понятія описаніемъ новыхъ отличительныхъ свойствъ или *ограничиваніемъ*; чѣмъ сложнѣе понятіе, тѣмъ менѣе въ немъ отношеній. Отсюда происходитъ различіе между такъ называемыми *родами*, *видами* и *особыми*. Понятіе рода заключаетъ въ себѣ одно существенное качество, общее всѣмъ видамъ. Понятіе вида содержитъ болѣе — сверхъ качества существеннаго, качество, его отличающее. Понятіе особое заключаетъ въ себѣ еще болѣе свойствъ, — кромѣ показанныхъ, свойство ему собственно принадлежащее. Въ понятіи существа живаго заключаются всѣ тѣла органическія, безъ различія растѣній и животныхъ. Въ понятіи существа чувствующаго заключается также качество существа живаго, и сверхъ того особое свойство животнаго — чувство. Въ понятіи существа органическаго, чувствующаго и разумнаго заключаются всѣ прежнія качества, и кромѣ ихъ особое свойство — разумъ.

Между высшимъ родомъ и послѣднимъ особымъ всякой родъ бываетъ видомъ, и всякой видъ родомъ, смотря по различнымъ отношеніямъ: тѣло органическое есть видъ въ отношеніи къ существу вообще; но ето же понятіе есть родъ въ отношеніи къ животнымъ и растѣніямъ. По-

нятія особыя имѣютъ *болѣе признаковъ*, а высшія *болѣе отношеній*; почему онѣ и называются *обширнѣйшими*. По мѣрѣ восхожденія отъ одного понятія къ другому, отъ человѣка къ природѣ, отъ природы ко вселенной, отъ вселенной къ душѣ, отъ души къ Провидѣнію — мы распространяемъ объемлемость понятія такъ, что высшее объемлетъ всѣ прочія, будучи само простѣйшее, нераздѣлимое.

Симъ изслѣдованіемъ признаковъ получаемъ мы понятія *ясныя*; чѣмъ болѣе анализируемъ сіи свойства, тѣмъ болѣе пополняемъ понятія — онѣ становятся *подробнѣе, точнѣе, опредѣленнѣе*. Отъ сего зависитъ и точность сужденій. Но какъ часто принимаемъ мы въ предметахъ случайныя качества за существенныя и на етомъ основываемъ свои заключенія.

Къ ограниченію понятія принадлежитъ *утвержденіе*; утверждая, мы уже отличаемъ извѣстный намъ предметъ отъ другихъ. Напротивъ *отрицая*, мы снимаемъ съ предмета отличительныя свойства, смѣшиваемъ его со множествомъ другихъ, уничтожаемъ границы его: отъ того отрицательныя понятія суть вмѣстѣ неопредѣленныя, обширнѣйшія.

Сіе разложеніе понятій и составленіе есть произведеніе ума; въ природѣ однѣ особыя. Всѣ виды и роды суть от-

влеченія, способы располагать понятія въ памяти для того, чтобъ подъ однимъ общимъ отношеніемъ наблюдать вдругъ нѣсколько предметовъ. Сіи отношенія сходства и несходства, посредствомъ которыхъ видъ обращается въ родъ, особое въ видъ, суть главныя условія *опредѣленія* или отличенія одного понятія отъ всѣхъ другихъ. Понятіе должно заключать въ себѣ опредѣленіе предмета, равно какъ имя выражаетъ все, что заключаетъ понятіе. Опредѣляются же особыя понятія непосредственнымъ видомъ, а виды непосредственнымъ родомъ. Изъ двухъ понятій, заключающихся въ опредѣленіи, одно принадлежитъ многимъ сходнымъ предметамъ, другое свойственно одному опредѣляемому предмету. Общее понятіе есть понятіе рода или вида; понятіе особое есть разность предмета отъ вида, или разность вида отъ рода.

Примѣнимъ сіи слѣдствія къ какому-либо случаю. Можно бы изъ одного понятія, какъ изъ темы, вывести всѣ отрасли одного и того же древа; но прежде испытаемъ силы свои въ разложеніи готоваго цѣлаго на части. Чтобъ познакомиться съ машиною и научиться по оной составлять новыя, надобно умѣть разложить ее; тутъ можно видѣть силу каждой части, ихъ связь и общій со-

ставъ. Я выбираю для сего два сочиненія на одинъ предметъ изъ двухъ достойнѣйшихъ писателей, Монтаня и Вейсса, о *Гнѣвѣ*.

Послѣдуемъ за порядкомъ мыслей перваго.

„Дѣти" говоритъ Монтань „безъ разбору отдаются на воспитаніе; между тѣмъ какъ въ человѣкѣ все зависитъ отъ воспитанія."

До сихъ поръ еще не льзя узнать, что авторъ намѣренъ говорить о гнѣвѣ.

„Въ гнѣвѣ" продолжаетъ онъ „человѣкъ самъ себя уродуетъ, часто и другихъ. Тутъ нарушается порядокъ въ мысляхъ. Когда и какъ наказывать?"

Слышу о главномъ предметѣ; но еще не имѣю о немъ яснаго понятія и не могу отличить его отъ другихъ. Мнѣ еще не показаны отличительныя его свойства, ни родъ его, ни видъ, ни разность его отъ другихъ видовъ; и удивляюсь, что, противъ ожиданія, вотъ что читаю:

„Иные не то дѣлаютъ, что говорятъ. Прекрасно соединять поступки съ словами. Примѣръ Цицерона, Плутарха."

За етимъ обращеніе къ прежней мысли: „Не должно наказывать въ гнѣвѣ. Примѣръ Архитаса и Платона. Гнѣвъ часто бываетъ упорный. Таковъ примѣръ въ Пизонѣ."

Наконецъ здѣсь думаю удовлетворить любопытство свое; но и тутъ вотъ что читаю: „Часто молчаніе воспламеняетъ гнѣвъ. Тотъ питаетъ ету страсть, кто скрываетъ. Вспыльчивость теряетъ уваженіе. Въ бездѣлицахъ часто сердятся болѣе, нежели въ дѣлахъ важнѣйшихъ.“ Все сочиненіе заключается мыслію Плутарха, что гнѣвъ иногда служитъ орудіемъ храбрости.

Если продолжить прежнее сравненіе сочиненія съ машиною, то ета машина не составлена, а связана изъ частей особыхъ и разнородныхъ. Здѣсь каждое понятіе можетъ имѣть свой кругъ *подчиненныхъ* понятій, каковы мысли: о воспитаніи, наказаніяхъ.

Разсмотримъ сочиненіе Вейссово — и испытаемъ, не угадаемъ ли его мыслей; потому что прямая дорога къ истинѣ только одна. Мы прежде замѣтили, что понятія особыя опредѣляются или ограничиваются ближайшими видами, виды ближайшими родами. Мысли во всякомъ предлагаемомъ вопросѣ, какъ нравственномъ, такъ и математическомъ, всегда готовы, если вмѣстѣ предлагаются условія. Но въ понятіи простомъ еще легче: требуется только показать отличительныя его качества и предѣлы его съ другими смежными поня-

тіями. Мы его всегда въ состояніи будемъ рѣшить, если станемъ рѣшать постепенно. Какіе же признаки *гнѣва* или сердитаго?

Онъ измѣняется въ наружности; такое же измѣненіе должно происходить внутри его; онъ выходитъ изъ себя: и потому гнѣвъ можно отнести вообще къ *изступленію*.

Но сильная радость, сильная печаль есть также изступленіе: и потому нужно отличить сей родъ особливымъ признакомъ. Самое примѣтное отличіе сего рода изступленія состоитъ въ томъ, что сердитый не дѣлаетъ другому того, чего себѣ желаетъ; — вмѣсто блага, онъ наноситъ *вредъ*. И его еще сбивчиво; мстительный также вредитъ: нѣтъ ли другихъ признаковъ, болѣе частныхъ. Отъ того ли выходитъ изъ себя сердитый, что видитъ другаго въ счастіи, какъ дѣлаетъ завистливый, или должно искать отличительныхъ качествъ въ немъ самомъ? Вейссъ предупреждаетъ: онъ говоритъ, что сей родъ изступленія имѣетъ побудительной причиной или обиженную *гордость*, или *нетерпѣливость*, или излишнюю раздражительность и *чувствительность*. Отъ того, продолжаетъ мудрецъ:

„*Гордые сердятся* для того, чтобъ играть важную роль и быть страхомъ

для всего ихъ окружающаго. *Нетерпѣливые сердятся* отъ скуки, и тотчасъ мирятся. *Чувствительные сердятся* на короткое время; они вспыльчивы, но имѣютъ доброе сердце. Съ ними умѣть надобно обходиться. Впрочемъ гнѣвъ есть недугъ душевный, подобный недугамъ тѣлеснымъ."

Вотъ сколько новыхъ мыслей раскрылось намъ при одномъ внимательномъ наблюденіи предложеннаго понятія. Ни одна изъ нихъ не прерываетъ другую: всѣ нужны и помогаютъ взаимно объясненію, пополненію и ограниченію главной мысли, о которой говоримъ.

Разсмотрѣвъ предметъ въ его сущности, мы ставимъ обыкновенно его въ сравненіе съ другими; тогда родятся еще новыя мысли. Одинъ и тотъ же предметъ въ сравненіи съ двумя различными предметами получаетъ разныя понятія. Вейссъ не упустилъ етаго изъ виду: онъ разсматриваетъ *гнѣвъ въ отношеніи къ низшимъ*, въ отношеніи къ *равнымъ*, въ отношеніи къ *высшимъ*, въ отношеніи ко *всѣмъ* вообще. Етаго мало — и здѣсь не все разсмотрѣно; остается знать, что ета страсть въ отношеніи *къ самимъ себѣ*, вразсужденіи здоровья, вліянія ея на расположеніе нашего духа.

Наконецъ, если гнѣвъ мы назвали изступленіемъ, болѣзнію; то самъ по себѣ слѣдуетъ вопросъ: „нѣтъ ли средствъ утолять сію страсть, изцѣлять отъ сего недуга?" Вейссъ симъ наблюденіемъ заключаетъ распространеніе или разложеніе своей темы. Оно представляетъ собою примѣръ правильнаго развитія понятій изъ одного главнаго, или раздробленія рода на виды и сравненія его съ другими родами и видами.

Теперь испытаемъ, не выведемъ ли сами *законовъ* логическихъ, на которыхъ основана справедливость понятій или истина. Мы вѣрно успѣемъ въ етомъ, если только будемъ наблюдать ходъ собственныхъ мыслей.

Прежде всего спросимъ себя: нѣтъ ли разности между истиною ума нашего и истиною дѣйствительною или истиною вещи? Для ума не довольно ли только того, чтобъ всѣ части сложнаго понятія были между собою согласны и не заключали бы противорѣчія? Примѣчая въ лунѣ такія же движенія, какъ въ землѣ, усматривая одинакія средства, разумъ заключаетъ, что для сихъ средствъ должны быть и одинакія намѣренія, что на лунѣ могутъ быть обитатели, какъ и на землѣ. Но при всемъ етомъ не можемъ утвердительно объ етомъ заклю-

чать; и потому говоримъ: ето вѣроятно, а не совершенно справедливо. Такая истина называется *логическою*, для отличія отъ собственной истины, или истины вещи, самаго дѣла. Напротивъ, что въ самой вещи или на самомъ дѣлѣ и опытѣ справедливо, то предполагаетъ справедливость логическую; ето условіе необходимое, какъ всякой *поступокъ* предполагаетъ *мысль*, всякое *желаніе* — *знаніе*, всякое *дѣйствіе* — *причину*. Причины иногда отъ насъ скрываются; но мысль, что онѣ должны существовать, когда видимъ дѣйствіе — ета мысль есть *необходимая*. Мысль о существованіи жителей на другой половинѣ шара нашего и тогда была бы необходимою, когдабъ Колумбъ и не открылъ новаго свѣта.

Изъ сего слѣдуетъ, что между понятіями нашими есть такія, которыя *непосредственно заимствованы* отъ предметовъ; другія же какъ бы вновь составляются и представляются или *возможными*, или даже *необходимыми*. Всѣ идеалы въ произведеніяхъ ума, нравственности и искусствъ принадлежатъ къ последнему роду понятій. На сей-то логической истинѣ остановимся, чтобъ изслѣдовать законы, по которымъ мы составляемъ идеалы.

Чувственность не можетъ имѣть основанія прочнаго, общаго и необходимаго; его должно искать въ самомъ разумѣ. Общіе законы обыкновенно просты, какъ природа, при всемъ своемъ разнообразіи, и во всемъ одинаковы. Чувственныя ощущенія даютъ разуму предметы мыслей; въ нихъ заключается разнообразіе, изъ котораго разумъ составляетъ единство; изъ сего-то производитъ онъ мысли по своимъ законамъ. Изображеніе Минервы не могло бы придти въ дѣйство безъ мрамора: такъ и безъ чувственныхъ ощущеній не могли бы мы имѣть понятій. Но законы изображенія Минервы не въ мраморѣ, а въ искусствѣ художника: равно законы, по которымъ образуются понятія, не въ ощущеніяхъ, а въ мыслящей способности.

Теперь мы близки къ открытію сихъ законовъ, увѣрившись, гдѣ должно ихъ искать. Вспомнимъ, какъ разумъ составляетъ изъ воззрѣній или особыхъ понятій общія или собственно называемыя понятія. Онъ сравниваетъ особыя представленія, извлекаетъ изъ нихъ общія свойства и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое. Сей образъ *соединенія разнообразія въ единство* долженъ быть единственнымъ и неизмѣняемымъ способомъ мыслить, одно средство разума, примѣняемое къ различ-

нымъ случаямъ. Въ природѣ фигуры круглая и четвероугольная несовмѣстимы одна въ другой; отъ того и сіи два различныя понятія несогласны для ума. Точно также духъ и тлѣніе, или представленія о духѣ и тлѣніи несогласуются въ умѣ, противорѣчатъ одно другому. Отсюда законъ логической *согласованія* и *противорѣчія*. Если все согласное можетъ соединено быть въ одно цѣлое, и все, что можетъ быть соединено, согласно; то все противорѣчущее не можетъ быть соединено въ одно, и что несоединяется въ одно цѣлое, то противорѣчитъ. Что не противорѣчитъ, то логически возможно.

Всякое соединеніе или согласованіе представленій въ одно цѣлое предпологаетъ нѣчто такое, по чему можно достаточно удостовѣриться въ семъ соединеніи. Безсмертія мы вокругъ себя невидимъ; но зная способности духа нашего, можемъ заключать и о свойствѣ его, которое должно быть отлично отъ свойствъ предметовъ насъ окружающихъ и совершенно имъ противуположно: таково безсмертіе. Ето называютъ въ Логикѣ закономъ *достаточной причины*. Для мыслящаго довольно имѣть или условіе слѣдствія, чтобъ заключать о причинѣ, или условіе причины, чтобъ заключать о слѣд-

ствіяхъ. Такъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ Вейссъ изслѣдовалъ достаточную причину гнѣва въ оскорбленной гордости, нетерпѣливости и чувствительности. Дѣло разума состоитъ въ томъ, чтобъ не смѣшать причины, не принять посредствующей за непосредственную. Но и для етаго есть средство: раздѣленіе понятій на роды и виды.

Ето облегчается еще слѣдующимъ наблюденіемъ. Надобно вспомнить, что признаки, изъ которыхъ составляется понятіе, имѣютъ только двѣ стороны: утвердительную и отрицательную. Каждому предмету и понятію, какое о немъ имѣемъ, изъ двухъ противорѣчащихъ признаковъ долженъ быть приличенъ одинъ; а что два противуположные признака не могутъ вмѣстѣ приличествовать одному и тому же предмету, слѣдуетъ изъ прежняго заключенія о законѣ противорѣчія. Ето называется закономъ *двухъ крайностей.* При разложеніи понятія о гнѣвѣ намъ представлялись двѣ мысли: изступленіе и неизступленіе; мы, по извѣстной достаточной причинѣ, нашли, что первое согласно съ гнѣвомъ — и потому употребили его для опредѣленія сего понятія.

И такъ первыя начала искусства правильно мыслить состоятъ въ правильномъ раздѣленіи понятій и расположеніи ихъ

на классы. Для ощущеній имѣемъ мы повѣрку въ чувствахъ. Въ понятіяхъ сложныхъ всегда есть извѣстная мѣра для сравненія — одно изъ простыхъ понятій или ощущеній. Такъ узнаемъ мы разность двухъ чиселъ; потому что общая мѣра количествамъ есть единица. Сравнивая способности ума: прозорливость, проницательность, примѣняемъ ихъ къ начальнымъ способностямъ, каковы: понятія, сужденія, вниманіе. Также поступаемъ и въ предметахъ нравственныхъ.

Скажутъ, что самыя понятія у разныхъ людей бываютъ различны. Если всѣ произведенія ума, какъ мы видѣли въ Идеологіи, проходятъ чрезъ чувства; если сіи послѣднія насъ не обманываютъ: то и понятія не могутъ быть различны, когда приобрѣтаются ясно, точно и опредѣленно. Безъ сомнѣнія воспитаніе есть лучшее средство приготовить умъ къ правильнымъ впечатлѣніямъ.

ГЛАВА VI.

Сужденія. Ихъ свойство и законы. Составъ сужденій и различные роды. Вѣрность и точность сужденій.

Если въ сочиненіяхъ, при точныхъ понятіяхъ, встрѣчаемъ иногда несогласія и заблужденія; то етому причины должно искать въ неточности сужденій. Отъ одного неправильнаго предложенія всѣ слѣдствія бываютъ неправильныя.

Предложеніе, заключающее въ себѣ сужденіе отвлеченное, состоитъ въ сравненіи двухъ понятій или двухъ рядовъ понятій. Сравнивать же сіи понятія значитъ находить въ понятіяхъ сходство и единство въ цѣломъ или по крайней мѣрѣ въ частяхъ.

Въ чемъ же вся трудность вѣрнаго сужденія? Изъ прежняго слѣдуетъ заключить, что оно тогда справедливо, когда со всею точностью и строгимъ порядкомъ разсмотрѣно. Бодрствуй разумъ — и менѣе будетъ ошибаться. Мы часто въ наукахъ, выучивая наблюденія другихъ, думаемъ чрезъ ето ко всему приготовить себя — и при всякомъ новомъ случаѣ сомнѣваемся и бываемъ въ нерѣшимости;

напротивъ изученіе философическое, не обременяя памяти безполезными знаніями, снабжаетъ умъ одной только методой — и ето вѣрнѣйшій способъ наблюдать и познавать.

Справедливость предложеній отвлеченныхъ неимѣетъ различныхъ степеней точности: отвлеченное сужденіе или совершенно справедливо, или совершенно ложно. Напротивъ сужденія опытныя основываются на долговременныхъ наблюденіяхъ. Часто мнѣнія встрѣчаемъ такія, которыя въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ свято уважаются, и онѣ же въ другое время и въ другомъ мѣстѣ почитаются несправедливыми. Не дѣлая сего различія, всегда подвергаютъ себя ошибкамъ: иногда хотятъ основать общее правило на частномъ сужденіи опытномъ, или истинѣ опытной придать силу общаго отвлеченнаго правила.

Гюмъ и другіе, принимая извѣстное положеніе вразсужденіи понятій и чувствъ, заключаютъ, что и всѣ сужденія также основаны на опытности. Чувства, доставляя намъ представленія, доставляютъ одинъ только запасъ для сужденій, а не самыя сужденія. Часто бываетъ, что сей запасъ неимѣетъ надлежащаго порядка и расположенія для сужденій. Можно видѣть треугольникъ, и незнать свойствъ его;

и на оборотъ, можно опредѣлить всѣ свойства етой фигуры, никогда не видавши ее, а только представляя въ умѣ.

Для отличія сужденій *отвлеченныхъ* отъ *опытныхъ* есть наружные признаки. Отвлеченное предложеніе неможетъ быть частнымъ. Предложеніе, выражающее сужденіе опытное, неможетъ быть общимъ, кромѣ сходства. Первой родъ сужденій есть слѣдствіе размышленія; разумъ отдаетъ себѣ отчетъ въ собственныхъ своихъ дѣйствіяхъ. Второй родъ сужденій есть слѣдствіе наблюденія; разумъ вспоминаетъ, что прежде замѣтилъ, и всѣ впечатлѣнія, какія получилъ. Первый родъ употребляетъ всегда одинъ глаголъ для связи одного члена съ другимъ; второй родъ если и употребляетъ его для соединенія двухъ ощущеній, то единственно для того, чтобъ показать ихъ отношеніе къ намъ. Мы говоримъ: „ета бумага бѣла" желая показать, что ощущеніе бѣлизны получаемъ вмѣстѣ съ другими ощущеніями, которыхъ соединеніе составляетъ предметъ, называемый нами бумагой. По сей-то причинѣ глаголъ въ такихъ сужденіяхъ принимаетъ всѣ перемѣны лицъ и временъ; но въ сужденіяхъ отвлеченныхъ онъ остается въ одномъ лицѣ и времени. Таково общее сужденіе: *мудрость есть добродѣтель.*

Напротивъ опытныя сужденія: *бумага бѣла*, *была* или *будетъ бѣла* — всѣ могутъ быть справедливы въ различныхъ отношеніяхъ.

Но спросятъ: если справедливость и вѣрность предложеній отвлеченныхъ состоитъ въ единствѣ и сходствѣ; то гдѣ же признаки сей истины?

Начало сего единства разкрывается въ происхожденіи понятій.

Если единство между двумя понятіями частное, т. е. если между ими одно только отношеніе, и одно понятіе заключаетъ въ себѣ другое; то должно, чтобъ понятіе, служащее утвержденіемъ другаго, соединялось съ нимъ посредствомъ синтезиса, и напротивъ отдѣлялось отъ него посредствомъ анализиса. Это можетъ показаться труднымъ безъ примѣра. Возьмемъ прежнее предложеніе: *мудрость есть добродѣтель.* Понятіе *добродѣтель* служитъ утвержденіемъ понятія *мудрости.* Единство между сими понятіями частное; между ими одно отношеніе, какъ части къ цѣлому, или какъ содержимаго къ содержащему — отношеніе обширности. Отъ сего вотъ слѣдствіе сего сужденія: чѣмъ болѣе понятіе *добродѣтель* будетъ ограничиваться посредствомъ синтезиса или присоединенія новыхъ признаковъ, тѣмъ болѣе будетъ един-

ства и связи между обоими понятіями; и на оборотъ, онѣ будутъ тѣмъ болѣе одно отъ другаго отличны, чѣмъ болѣе понятіе *добродѣтель* будетъ распространяться посредствомъ анализиса или отвлеченія.

Если между предложеніями находится совершенное и взаимное единство, какое между 4 и 2×2, то должно быть такое слѣдствіе: или въ составленіи каждаго понятія, начиная съ общихъ основаній, оба понятія должны имѣть и перемѣны одинакія и подобныя, какъ бываетъ въ уравненіяхъ; или, начиная съ основаній неодинакихъ, должно каждой части сужденія прибавлять то, чего недостовало имъ для единства. Такъ выводится уравненіе изъ отношеній пропорцій. *Богъ и вѣчность* — сіи двѣ части сужденія останутся въ одинакомъ единствѣ въ цѣлой рѣчи, сколько бы ни было сдѣлано изъ него размышленій.

Если отношеніе между двумя понятіями аналогическое; то одно общее понятіе должно входить въ составъ обѣихъ частей и быть подвержено одинакимъ перемѣнамъ. *Благоустроенное общество есть крѣпко сложенное тѣло.* Вотъ сужденіе аналогическое; все что сказали бы мы объ етой мысли — всѣ новыя предложенія должны удерживать такое же аналогическое единство.

Что касается до аналогіи, то должно различать два рода оной: первая основывается на *единствѣ* какого-либо признака, входящаго въ составъ каждой части предложенія; другая на сходствѣ и *подобіи* отношеній въ соединеніи. Первый родъ аналогіи встрѣчается между предметами, въ которыхъ сравнивается цвѣтъ, мѣра и тому подобное; вторый родъ встрѣчается въ отношеніяхъ математическихъ и философическихъ.

Изъ сего разсмотрѣнія различныхъ родовъ равенства или единства въ сужденіяхъ само собою слѣдуетъ заключить, что единственное средство узнать, связаны ли два понятія какимъ-либо отношеніемъ равенства и найти свойства сего отношенія, единственное средство, говорю, для сего состоитъ въ томъ, чтобъ изслѣдовать начало и составъ каждаго понятія, или каждой части предложенія. Ошибки происходятъ отъ того, что мы часто думаемъ найти тамъ отношеніе, гдѣ его нѣтъ, и напротивъ, гдѣ есть оно, тамъ непримѣчаемъ.

Изъ предыдущаго также слѣдуетъ, что тѣ сужденія, въ которыхъ одна часть заключаетъ въ себѣ другую, могутъ назваться *общими* и *частными*; а какъ одна часть или утверждаетъ, или показываетъ, что нѣтъ между частями равен-

ства: то еще сужденія могутъ быть *утвердительныя* или *отрицательныя*. Въ первомъ случаѣ разность основана на *количествѣ*; во второмъ на *качествѣ*. Предложенія, которыя розняться и въ количествѣ и въ качествѣ, называются *противурѣчащими*. Разность одного количества производитъ предложенія *противуположныя* общія и частныя.

Смотря по обширности частей сужденія, предложенія бываютъ *простыя* и *сложныя*. Но соединеніе одной части съ другою можетъ быть или прямое, или косвенное: отъ того предложенія раздѣляются на *категорическія*, *условныя* и *раздѣлительныя*.

Въ сужденіяхъ подчиненныхъ, т. е. въ предложеніяхъ, которыхъ части розняться одна отъ другой обширностію большею или меньшею — въ такихъ сужденіяхъ *по роду дѣлаютъ заключеніе о видѣ*, и *по виду объ особомъ понятіи*. Если справедливо, что отъ *человѣка* зависитъ побѣждать страсти свои; то равно справедливо, что отъ *меня* зависитъ побѣждать гнѣвъ свой. Но нельзя дѣлать заключеній обратныхъ, какъ сдѣлалъ одинъ путешественникъ. Онъ, остановившись ночлегомъ въ одномъ городѣ, нашелъ въ етомъ домѣ хозяйку весьма непригожую; а потому, издавая путешествія свои,

сказалъ объ етомъ городѣ, что въ немъ всѣ женщины очень дурны лицемъ. И сколько бываетъ подобныхъ сужденій! Справедливость сего очевидна. По роду дѣлаютъ заключеніе о видѣ; потому что въ заключеніяхъ всегда смотримъ на главный отличительный признакъ понятій, который безъ сомнѣнія одинъ и тотъ же и въ родѣ, и въ видѣ, и въ понятіи особомъ. Напротивъ, мы не можемъ по виду заключать о родѣ, потому что многихъ свойствъ особенныхъ, заключающихся въ понятіи вида, можетъ небыть въ понятіи рода. Таково заключеніе путешественника, который лице одной хозяйки своей принялъ за отличительный признакъ цѣлаго города.

Разберемъ, для примѣра, изъ выше упомянутаго умнаго писателя, Вейсса, разсужденіе: *утѣшеніе въ несчастіи.* Здѣсь будемъ смотрѣть не на понятія, а на связь понятій и порядокъ ихъ.

Вейссъ прежде всего раздѣляетъ мысль о несчастіи, чтобъ показать, кого мы называемъ собственно несчастнымъ. Ето раздѣленіе служитъ основаніемъ разсужденія. И вотъ, кто несчастливъ, по мнѣнію нашего Автора: „больной или умирающій съ голода, нагой или страждущій подъ бременемъ рабства, бѣднякъ лишенный первыхъ потребностей жизни, кото-

рый даже не въ состояніи ихъ и выработать."

Вейссъ предвидѣлъ, что здѣсь еще могутъ быть возраженія. „Иной скажетъ, что мы и не бѣдны, но будучи лишены того, что прилично званію нашему, называемъ себя несчастными. Другой возразилъ бы, что мы и не въ рабствѣ, но бывая въ зависимости нѣкоторыхъ людей — иногда несчастны. Для сихъ возраженій прибавляетъ онъ особый источникъ — разстроенное воображеніе. За симъ раздѣленіемъ понятія *несчастіе* слѣдуютъ мысли объ утѣшеніи. Таковы положенія: „Къ благоразумію и прочному счастію нѣтъ другаго пути, кромѣ бѣдствій. Страданія бываютъ сносныя, или несносныя: въ первомъ случаѣ отъ насъ зависитъ побѣждать ихъ; во второмъ онѣ сами себя снѣдаютъ и скоро прекращаются. Пусть всякой примѣнитъ себя къ другимъ, и вѣрно найдетъ себя счастливцемъ въ сравненіи съ другими. Мудрецъ обезоруживаетъ великодушіемъ своимъ въ несчастіи несправедливость людей. Наконецъ Религія возноситъ насъ выше всякаго бѣдствія."

Разложимъ какую-либо часть сего разсужденія. Вотъ на пр. рядъ сужденій, объясняющихъ мысль, что несчастія полезны.

1. Къ благоразумію и прочному счастію нѣтъ другаго пути, кромѣ бѣдствій.
2. Кто не испыталъ бѣдности, клеветы, болѣзней, кто никогда нераскаявался, тотъ незнаетъ и половины человѣческихъ чувствованій.
3. Несчастіе напрягаетъ мыслящія силы; въ страданіяхъ душа, обращаясь сама съ собою, глубже проникаетъ себя.
4. Человѣкъ бываетъ счастливъ и добръ, когда довольно потерпѣлъ.
5. Кромѣ развитія мыслящихъ способностей, привыкая къ опасностямъ и утратамъ, становимся мы терпѣливыми, умѣренными, добрыми.
6. Воспоминаніе о своихъ несчастіяхъ рождаетъ состраданіе и о несчастіяхъ другаго.

Всѣ сіи предложенія относятся къ первому, какъ главнѣйшему; во всѣхъ повторяется главная мысль; ето различныя выраженія одной и той же мысли; а правильное разсужденіе исключаетъ всякое постороннее предложеніе, непринадлежащее къ главному предмету. Въ самомъ дѣлѣ выраженіе: *испытывать бѣдность, клевету, болѣзни, раскаяніе* есть то же, что быть *несчастнымъ*; другое выраженіе: *знать чувствованія человѣческія* не то же ли, что *быть благоразумнымъ*

и счастливымъ? Соединимъ сіи два предложенія, и мы получимъ первое: *чтобъ быть благоразумнымъ и счастливымъ надобно быть несчастливымъ.*

Точно такая же точность и правильность и во второмъ предложеніи; ибо, что значатъ всѣ сіи выраженія, какъ не ту же начальную мысль: *идти къ благоразумію и къ источнику счастія нѣтъ другаго пути, кромѣ несчастія.* Въ предыдущемъ предложеніи раздроблено понятіе *несчастія;* въ етомъ — понятіе *благоразумія и счастія.* Въ четвертомъ выраженіи принято дѣйствіе вмѣсто причины: *терпѣнье* вмѣсто *несчастія;* впрочемъ мысль та же самая. Она повторяется еще полнѣе и въ пятомъ предложеніи; въ послѣднемъ же за благоразуміе и счастіе принято свойство благоразумія: *состраданіе,* за несчастіе *воспоминаніе о бѣдствіи.*

При етомъ всякому придетъ на мысль слѣдующее возраженіе: уже ли всякое разсужденіе должно состоять изъ повторенія одного и того же предложенія въ различныхъ видахъ? Не иначе; все искусство изобрѣтенія состоитъ въ правильномъ разложеніи главнаго понятія на подчиненныя и въ точномъ ихъ соединеніи. Воображеніе и память говорящаго или сочиняющаго могутъ украшать особыми вида-

ми и образами принадлежащія къ предложенію мысли и подкрѣплять ихъ свидѣтельствомъ другихъ; соображеніе можетъ дополнять описываемый предметъ противуположеніями: но составъ останется тотъ же самый. Живописецъ воленъ фигурѣ своей придать тѣ или другія краски, особенную живость, прелесть, высокость и тому подобную выразительность; но онъ не въ правѣ перемѣнить очертанія человѣческаго состава; не въ правѣ перемѣнить мѣру или мѣсто членовъ тѣла. То же самое правило для краснорѣчія и для всякаго рода сочиненій въ искусствахъ и наукахъ.

Напротивъ отъ безобразнаго сочетанія разнородныхъ предметовъ мы бываемъ темны, сбивчивы, скучны. Писатель-художникъ не только неотступаетъ отъ своего предмета, но въ самыхъ частяхъ сочиненія своего соблюдаетъ согласіе или гармонію, столь плѣнительную для насъ въ изящныхъ искусствахъ. Красота самаго слога имѣетъ то же основаніе; потому что слова, принимаемыя не за отражающійся воздухъ, а за выраженіе чувствъ и мыслей нашихъ, что иное, какъ не тотъ же самый разумъ. Въ етомъ смыслѣ умъ и слово имѣютъ одинакое значеніе.

Сіи примѣры убѣждаютъ въ томъ, что точность сужденій зависитъ отъ согласія и связи частей сужденія. Часто мысли могутъ сами по себѣ быть справедливы, но сужденіе, изъ нихъ составленное, можетъ быть несправедливо. Большею частію мы смѣшиваемъ видъ съ родомъ, особое понятіе съ видомъ; между тѣмъ какъ вѣрность сужденій логическихъ единственно зависитъ отъ сего порядка и правильнаго дробленія, какъ вѣрность выкладокъ математическихъ отъ правильнаго счисленія.

Совсѣмъ противныя симъ заключенія бываютъ при отрицаніи *Все, что отрицаемъ о видѣ, то можно отрицать и о родѣ.* Если несправедливо, что Федонъ правосуденъ, то несправедливо, что весь родъ человѣческій правосуденъ. *Не льзя однако по роду отрицать о видѣ;* часто можно отрицать о родѣ и видѣ, чего не льзя отрицать о видѣ и особомъ понятіи. Такъ отрицая, чтобы весь родъ человѣческій былъ правосуденъ, незначитъ еще отрицать, чтобъ Федонъ не былъ правосуденъ.

Вотъ етому причина. *Утверждать* значитъ отдѣлять одинъ предметъ отъ другаго какимъ-либо признакомъ; *отрицать* — отвергать сей признакъ или снимать его съ предмета. Изъ етаго слѣ-

дуетъ, что опредѣляя предметъ или какое-либо понятіе, мы его *ограничиваемъ*, и на оборотъ, отрицая, смѣшиваемъ его съ другими, такъ сказать *распространяемъ* обширность его, отъ чего оно бываетъ неопредѣленно и сбивчиво.

Изъ сего еще новое, общее заключеніе: *всегда можно заключать по обширнѣйшему понятію о понятіи не столько обширномъ:* въ утвержденіи по роду о видѣ, въ отрицаніи по виду о родѣ.

Если бы теперь мы встрѣтили два сужденія *противурѣчащія*, или несогласныя между собою ни въ качествѣ, ни въ количествѣ; то что должны бы заключить о ихъ справедливости?

Раздробимъ етотъ вопросъ, и вѣрно сами найдемъ общее рѣшеніе для сужденій такого рода. Въ опытной Философіи говорятъ: *понятія начально получаются посредствомъ чувствъ;* Идеалисты съ етимъ положеніемъ несогласны, — они утверждаютъ, что *нѣкоторыя понятія не получаются посредствомъ чувствъ.* Въ подобномъ случаѣ должно прежде спросить себя, можно ли объ одномъ и томъ же предметѣ *утверждать вообще* и *отрицать частно?* Безъ сомнѣнія никто съ етимъ не согласится; а должно принять или то, или другое. Ето приводитъ насъ къ отвѣту на прежній вопросъ, что

противурѣчащія сужденія не могутъ быть оба вмѣстѣ справедливы и несправедливы. Потому-то Идеалисты должны или совершенно согласиться съ положеніемъ опытной Философіи, или они вѣчно будутъ спорить съ самими собою, и никогда не найдутъ единства въ заключеніяхъ своихъ.

Пусть будутъ два сужденія противныя, и сперва возьмемъ въ примѣръ сужденія *противныя въ качествѣ:* можно ли о нихъ сказать то же самое, что говорили мы о сужденіяхъ противурѣчащихъ? Вопросъ опять должно раздробить, т. е. могутъ ли такія сужденія быть оба справедливы, или оба несправедливы?

На первое мы уже отвѣчали въ предъидущемъ случаѣ. Между утвержденіемъ и отрицаніемъ нѣтъ средины; утверждая объ одномъ, мы отрицаемъ другое; и потому или утвержденіе, или отрицаніе можетъ быть справедливо — *оба вмѣстѣ справедливы не могутъ быть;* напротивъ и въ утвержденіи и въ отрицаніи общемъ мы легко можемъ ошибаться, что и встрѣчается часто въ сужденіяхъ нашихъ. Такъ иные, смотря на порядокъ во вселенной, говорятъ: въ природѣ все добро. Другіе, ограничиваясь въ наблюденіяхъ своихъ одною планетою нашею, восклицаютъ: все въ природѣ зло. Сіи двѣ стороны не мо-

гутъ быть обѣ справедливы; но тѣ и другіе могутъ ошибаться. Въ самомъ дѣлѣ первые несправедливы, если, принимая одно духовное благо, совершенно отвергаютъ благо чувственное, между тѣмъ какъ человѣкъ составленъ изъ двухъ различныхъ свойствъ: духа и вещества. Другіе также несправедливы, относя все къ одному человѣку и забывая, что не одинъ человѣкъ сотворенъ къ прославленію Творца вселенной; вся природа слава Его.

Но если бы кто, сіи общія положенія обративши въ частныя, сказалъ: „есть въ природѣ и доброе и злое," съ етимъ мнѣніемъ всякой бы согласился. — Сіи сужденія въ существѣ своемъ оба могутъ быть справедливы, потому что утверждаютъ и отрицаютъ только отчасти. Въ подобныхъ сужденіяхъ могутъ быть многія выключенія, ограниченія, условія, а потому въ нихъ никогда не нарушается равенство въ частяхъ предложенія. Сверхъ того справедливость такихъ суждений столь велика, что *онѣ и не могутъ быть оба вмѣстѣ ложны, или несправедливы.*

Здѣсь не будемъ мы останавливаться на условныхъ знакахъ древнихъ. Они въ Логикѣ употребляли для краткости нѣкоторыя буквы, какъ въ Алгебрѣ употреб-

ляются иныя буквы для означенія извѣстныхъ, другія для означенія неизвѣстныхъ. Въ Логикѣ древнихъ четыре буквы A, E, I, O служили знаками для изображенія предложеній утвердительныхъ и отрицательныхъ, общихъ и частныхъ. Оставляя сіе незначущее условіе и неимѣющее никакого приложенія къ уму, мы войдемъ подробнѣе въ изслѣдованіе согласія и равенства въ сужденіяхъ *сложныхъ*.

Въ такихъ сужденіяхъ одно или нѣсколько понятій присоединяется къ главному, чтобъ составить одно сужденіе. Сіи предложенія употребляются для *опредѣленія* или *объясненія* предмета описаніемъ какого-либо особеннаго его свойства, на пр. „человѣкъ, надменный въ щастіи, бываетъ низкимъ и пресмыкающимся въ нещастіи.“ Въ етомъ предложеніи не было бы единства, или оно было бы несправедливо, если бы понятіе человѣка не было ограничено и опредѣлено особеннымъ свойствомъ человѣка — свойствомъ надменнаго. Или, вотъ примѣръ неправильнаго сужденія: „человѣкъ узнаетъ прошедшее, чтобъ здраво судить о будущемъ; онъ вооружается терпѣніемъ и великодушіемъ противъ несчастныхъ случаевъ жизни.“ Здѣсь также первая часть предложенія несогласна со второю: въ нихъ нѣтъ ра-

венства. Но дополнимъ первую часть понятіемъ *мудраго*: получимъ предложеніе правильное, равное въ частяхъ своихъ. Еще примѣръ: „умѣренность есть добродѣтель.“ Это мысль общая. Приложите къ понятію *добродѣтели* новое отличительное свойство, чтобъ сравнять его съ понятіемъ умѣренности; предложеніе будетъ правильнѣе, когда скажемъ: „умѣренность есть добродѣтель, удерживающая чувственныя желанія наши въ границахъ разума.“

Иногда подобныя приложенія только объясняютъ сужденіе, не прибавляя ничего къ его равенству. „Человѣкъ нуждается въ помощи человѣка“ — предложеніе правильное; оно станетъ разительнѣе, если приложить къ нему объясненіе состоянія человѣка, вступающаго въ свѣтъ: тогда онъ нагъ, слабъ, беззащитенъ. Вы также правильно скажете: „человѣкъ ископалъ землю, преплылъ моря, измѣрилъ небо.“ Мысль ваша будетъ еще живѣе, если въ противуположность симъ исполинскимъ подвигамъ человѣка прибавите понятіе о слабости человѣческихъ орудій, каковы чувства его.

Лучшіе писатели знаютъ сію тайну искусства мыслить и писать. Не говоря

о Цицеронѣ, какъ величайшемъ художникѣ Краснорѣчія, можно указать на величайшаго Поета, Горація: отъ чего мысли въ его стихѣ врѣзываются въ память? Единственно потому, что Горацій правильно мыслитъ; онъ не гоняется за множествомъ цвѣтовъ, когда одинъ можетъ всѣ замѣнить, и неупотребляетъ краски блѣдной и сбивчивой, гдѣ требуется яркая и ясная. Съ перваго взгляда нѣтъ ничего легче сихъ вставочныхъ понятій; но ни въ чемъ столь часто мы не ошибаемся, какъ въ ихъ употребленіи, и ничто столько не показываетъ точности и правильности нашихъ сужденій. Иногда понятіе само по себѣ правильно, а не въ отношеніи къ другой части сужденія. „Катонъ, мудрѣйшій изъ Римлянъ, не могъ пережить свободы.“ Здѣсь вставочная мысль: „мудрѣйшій изъ Римлянъ“ сама по себѣ правильна, но въ отношеніи къ другой части предложенія несправедлива: съ понятіемъ любви къ благородству духа согласнѣе понятіе добродѣтели, а не мудрости.

Изъ всего етаго должно заключить, что *правильность сужденій зависитъ отъ правильнаго отношенія одной части его къ другой, отъ ихъ согласованія, равенства.* Сюда относится справедливость сужденій и *условныхъ* и *раз-*

дѣлительныхъ. Онѣ также сужденія сложныя; вставочныя мысли въ нихъ употребляются для сохраненія равенства частей предложенія.

Такія равныя части въ предложеніи могутъ быть перестанавливаемы, что называется логическимъ *обращеніемъ*; я говорю, только равныя: потому что съ нарушеніемъ равенства въ частяхъ перемѣняется и смыслъ сужденія.

ГЛАВА VII.

Умозаключенія. Правила, относящіяся къ составленію Силлогизмовъ. Ихъ роды и виды.

Точно такимъ же образомъ, какъ изъ понятій составляются сужденія посредствомъ сравненія, изъ сужденій составляются *умозаключенія*.

Кромѣ двухъ понятій, заключающихся въ подлежащемъ и сказуемомъ, необходимо третіе посредствующее — это есть главное условіе умозаключенія.

Иногда справедливость заключенія бываетъ столько очевидна, что мы убѣждаемся въ ней безъ посредствующаго понятія. Такъ зная, что главное свойство рода заключается и въ его видѣ, все то, что утверждаемъ о родѣ, утверждаемъ и о видѣ. Въ сужденіяхъ противорѣчащихъ заключаемъ, что онѣ оба справедливы быть не могутъ; въ сужденіяхъ противуположныхъ общихъ всегда бываемъ увѣрены, что одно только изъ нихъ должно быть справедливо, и напротивъ оба могутъ быть ложны; наконецъ въ сужденіяхъ противуположныхъ частныхъ знаемъ, что онѣ оба могутъ быть справедливы.

Если бы одинъ утверждалъ, что искусство врачеванія, подавая средства и способы ко изцѣленію неумѣренности и воздержанія, укрѣпляетъ въ сихъ порокахъ, и потому безполезно; другой бы называлъ только врачей А, В, С полезными: то въ подобномъ случаѣ явно бы слѣдовало заключеніе, что *одинъ изъ двухъ* долженъ быть справедливъ, другой несправедливъ.

Слѣдующій примѣръ приводитъ насъ къ заключенію совершенно другаго рода. Одинъ, утверждая, что искусство врачеванія безполезно, никогда не лѣчился, и преждевременно умеръ; другой, предававшій себя волѣ врачей, будучи увѣренъ въ необходимости ежедневнаго врачеванія, также преждевременно умеръ. Можно ли здѣсь сказать, что только одинъ изъ нихъ справедливъ? Напротивъ, въ етомъ спорѣ *оба* могутъ быть справедливы и оба несправедливы.

Послушаемъ третій споръ. Одинъ Мизоятръ говоритъ, что иные врачи богаты; другой Фармакофилъ утверждалъ, что иные врачи небогаты. Очевидно, что мнѣнія *обоихъ* справедливы и немогутъ быть ложны.

Но въ такихъ сужденіяхъ, въ которыхъ связь и равенство несовсѣмъ очевидны, мы сравниваемъ каждое изъ нихъ съ однимъ какимъ-либо понятіемъ, и если

онѣ оба съ нимъ согласны, то заключаемъ, что онѣ согласны и между собою. Отсюда раздѣленіе умозаключеній на *непосредственныя* и *посредственныя*.

Сенека, желая яснѣе представить истину, что *щастіе не можетъ лишить насъ добродѣтели*, беретъ для сравненія понятій *щастія* и *добродѣтели* третіе посредствующее понятіе: *даръ*. Соединимъ крайніе члены съ среднимъ, и если два понятія согласны съ третьимъ, заключимъ, что они и между собою согласны:

Щастіе похищаетъ у насъ *дары* свои;
Добродѣтель не есть *даръ* щастія:

въ обѣихъ предложеніяхъ встрѣчаемъ одно и то же понятіе. Отнимемъ отъ равныхъ или одинакихъ предложеній поравну, и. н. здѣсь понятіе *даръ*: остальныя понятія должны оставаться также равными между собою или однозначущими. Дѣйствительно получаемъ въ заключеніи:

Щастіе не похищаетъ добродѣтели.

Члены въ Силлогизмѣ называются *меньшимъ* (подлежащее) и *большимъ* (сказуемое). Происходящія отъ соединенія ихъ съ среднимъ членомъ *посылки* удерживаютъ то же названіе — *меньшей* и *большей*.

Изъ сего основанія посредственныхъ умствованій, т. е. что *два понятія*,

согласныя съ третьимъ, согласны и между собою, слѣдуютъ правила вразсужденіи *заключенія и посылокъ*. Безъ сомнѣнія не льзя получить желаемаго заключенія, когда два данныя предложенія будутъ только *отчасти* согласны съ третьимъ, или когда совсѣмъ съ нимъ несогласны. Изъ сего выведено правило: когда обѣ посылки частныя или отрицательныя, то по нимъ нельзя сдѣлать никакого заключенія; напротивъ, когда одна изъ нихъ частная или отрицательная, другая же общая или утвердительная, то заключеніе въ первомъ случаѣ бываетъ *частное*, а во второмъ *отрицательное*, какъ въ приведенномъ примѣрѣ изъ Сенеки.

Справедливость сего не трудно вывести, если припомнимъ, что посредствующее понятіе повторяется въ обѣихъ посылкахъ, и тогда только уничтожается въ заключеніи, когда повторяется совершенно *одинаково*. Если же въ одной посылкѣ встрѣчается при немъ или ограниченіе, или отрицаніе, то и заключеніе принимаетъ такія же свойства. Наконецъ оно бываетъ *общее* и *утвердительное*, когда обѣ посылки общія и утвердительныя. Таковъ Силлогизмъ Цицероновъ:

Управлять другимъ значитъ управлять собою;

Править собою тотъ можетъ, кто побѣждаетъ страсти:

И такъ, чтобъ править другимъ, должно побѣдить страсти.

Разсматривая сужденія, видимъ, что связь одного понятія съ другимъ различается по *количеству*, *качеству*, *отношенію внутреннему и внѣшнему*; также и умозаключенія бываютъ: *общія*, *частныя и особыя*; *утвердительныя*, *отрицательныя* и *ограничительныя*; *прямыя*, *условныя* и *раздѣлительныя*; *возможныя*, *дѣйствительныя* и *необходимыя*. Такъ условно заключаетъ Гассенди:

Если есть въ природѣ движеніе, должна быть пустота;

Но въ движеніи никто несомнѣвается:

Изъ сего слѣдуетъ, что есть и пустота.

Противно етому, но также условно, говорятъ Картезіанцы:

Если есть въ природѣ пустота, то должны быть существа безъ внутреннихъ качествъ;

Но такихъ существъ не можетъ быть въ природѣ:

Слѣдуетъ заключить, что нѣтъ и пустоты.

Примѣромъ раздѣлительнаго Силлогизма можетъ служить слѣдующее размышленіе о щастіи въ здѣшней жизни:

Въ здѣшней жизни должно или предаваться страстямъ, или противиться имъ.

Предаваться страстямъ ужасно и позорно — и можно ли человѣку быть довольнымъ собою?

Противиться страстямъ также состояніе человѣка жалкое; потому что безпрерывное бореніе съ самимъ собою несносно и ужасно.

Вотъ что заставляетъ сказать, что въ здѣшней жизни нѣтъ истиннаго щастія.

Подобные раздѣлительные Силлогизмы, въ которыхъ объясняется каждый членъ раздѣленія, называются *Дилеммами.*

Сверхъ сего часто одна посылка пропускается, иногда напротивъ раздѣляется: отсюда происходятъ такъ называемыя *Ентимемы* и *Сориты*, или сокращенныя и распространенныя умозаключенія.

Монтескьё говоритъ:

Холодъ увеличиваетъ силу и напряженіе нервовъ; жаръ напротивъ ослабляетъ: отъ того люди въ холодныхъ климатахъ сильнѣе.

Въ сей Ентимемѣ если дополнить большую посылку: *сила зависитъ отъ напряженія и крѣпости нервовъ* — получимъ полный Силлогизмъ.

Если же кто сказалъ бы:

Скупые всегда томятся новыми желаніями;

А кто желаетъ многаго, тому многаго и недостаетъ;

Кому же недостаетъ многаго, тотъ бѣденъ:

Изъ сего Сорита можно бы заключить: что скупые, даже богатые, по всей справедливости бѣдны.

Когда прибавляются причины въ каждомъ членѣ, тогда Соритъ называется *Епихеремой*.

Посредствующія понятія, занимая мѣсто то подлежащаго, то сказуемаго, производятъ разные *роды* умозаключеній; а отъ качества посылокъ происходятъ различные ихъ *виды*.

Что касается до мѣста посредствующаго понятія, или средняго члена, то оно бываетъ или въ обѣихъ посылкахъ *сказуемымъ*, или въ обѣихъ посылкахъ *подлежащимъ*; или *въ одной* изъ нихъ *сказуемымъ*, *въ другой подлежащимъ*.

Вотъ нѣсколько Силлогизмовъ:

Однѣ животныя одарены чувствами;

Всякое насѣкомое чувствуетъ:

Слѣдовательно всякое насѣкомое есть животное.

Всѣ великіе подвиги прославляются;

Есть великіе подвиги, которые можно назвать преступленіями:

Слѣдуетъ, что иныя преступленія прославляются.

Всякая жестокость не продолжительна;

Всякой несправедливой законъ есть жестокость:

Отъ того и несправедливые законы бываютъ непродолжительны.

Всѣ сіи три Силлогизма отличны одинъ отъ другаго: въ первомъ средній терминъ занимаетъ мѣсто сказуемаго, во второмъ мѣсто подлежащаго, а въ третьемъ мѣсто сказуемаго въ одной посылкѣ и мѣсто подлежащаго въ другой.

Древніе называли сіи различныя свойства умозаключеній *фигурами*. Припомнимъ знаки, какіе употребляли они для означенія сужденій: A, E, I, O — и понятны будутъ знаки Силлогизмовъ: AAA, EAE, AII, EIO; или, прибавивъ согласныя, чтобъ удобнѣе помнить названія фигуръ: bArbArA, cElArEnt, dArII, fErIO; а у Грековъ: *γραμματα*, *ΕυρΛφΕ*, *γρΑφΙδΙ*, *τΕχνΙκΟς* и пр.

Всякое приложеніе какой-либо мысли къ извѣстной истинѣ составляетъ Силлогизмъ. Такъ, читая какое-либо сочиненіе и примѣняя его къ извѣстнымъ правиламъ, говоримъ о сочиненіи, хорошо ли оно, или нехорошо. Сія форма заключенія есть синтетическая или Силлогизмъ. Цицерону

нужно было показать, что *одинъ мудрецъ свободенъ, всякой невѣжда рабъ.* Ораторъ Философъ убѣждаетъ въ етой истинѣ слѣдующимъ краснорѣчивымъ Силлогизмомъ:

„Что такое свобода? говоритъ онъ. Возможность жить по своей волѣ. — Кто же такъ живетъ? Не тотъ ли, кто, любя правду и долгъ свой, предвидитъ путь всей жизни; кто, нестрашась законовъ, благоговѣетъ предъ ними и почитаетъ ихъ спасительными; кто говоритъ, поступаетъ и мыслитъ свободно; кто, обожая одну добродѣтель, равнодушенъ ко всѣмъ драгоцѣнностямъ, торжествуетъ надъ непостоянымъ и коварнымъ щастіемъ, и какъ сказалъ Поетъ:

Самъ жизнію своей творитъ себѣ судьбу?

„Такъ — одинъ добродѣтельный дѣйствуетъ безъ принужденія, живетъ безъ раскаянія — онъ одинъ свободенъ; всякой порочный — невольникъ.“

Или:

„Суллу прославляютъ! Суллу называютъ великимъ! какое заблужденіе! Можетъ ли рабъ страстей повелѣвать свободнымъ человѣкомъ? — Нѣтъ, пусть обуздаетъ страсти и охладѣетъ къ соблазнамъ, пусть укротитъ сердце и не алчетъ богатства, пусть искоренитъ пороки свои — и тог-

да, свергнувъ съ себя столь постыдное иго, можетъ повелѣвать другими. Но въ сихъ оковахъ онъ нетолько не повелитель — онъ и самъ несвободный человѣкъ. Справедливо говорятъ просвѣщенные: *одинъ мудрецъ свободенъ, всякой невѣжда рабъ.*"

Но скажутъ, Химикъ, желая составить какую-либо жидкость, напередъ думаетъ о составныхъ частяхъ ея, о мѣрѣ каждой части. Дѣйствительно, и Силлогизмъ есть составъ готовыхъ истинъ; чтобъ вывести сіи истины, сіи общія идеи — необходимо дробить данный вопросъ на нѣсколько другихъ вопросовъ, сравнивать ихъ и сличать — и только такимъ образомъ отъ частныхъ понятій доходимъ до общихъ, какъ отъ видовъ къ родамъ. Сіе дробленіе основано на очевидности. Мы заключаемъ или по собственнымъ ощущеніямъ, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ по свидѣтельству другихъ, смотря по характеру свидѣтелей, единству свидѣтельствъ и связи обстоятельствъ; или заключаемъ по разуму, основываясь на тожествѣ. *Дважды два четыре* — есть истина очевидная по разуму; потому что это выраженіе есть одно и то же съ выраженіемъ: *дважды два есть два и два.*

Оставляя говорить о достовѣрности ощущеній, свидѣтельствѣ другихъ и аналогіи, выше сего упоминаемой, остановимся на достовѣрности разума, основанной на тожествѣ, какъ на достовѣрности важнѣйшей.

Прежде спросимъ самихъ себя: когда истина можетъ названа быть очевидною? — Очевидно ли напр. предложеніе: *цѣлое больше каждой изъ своихъ частей?* Выразимся иначе: *цѣлое больше, нежели то, что менѣе его.* Теперь ясно видно тожество; а когда въ самомъ выраженіи видимъ тожество, тогда нельзя сомнѣваться въ очевидности. Изъ двухъ предложеній одно бываетъ очевиднымъ слѣдствіемъ другаго, если при сравненіи выраженій видимъ, что онѣ утверждаютъ одно и то же, или что онѣ тожественны.

Изъ сего слѣдуетъ, что всякое рѣшеніе вопроса, или доказательство, есть послѣдованіе предложеній, въ которыхъ однѣ и тѣ же мысли различно выражаются.

Обратимся же къ очевидности, основанной на тожествѣ. Для большей ясности возьмемъ примѣръ Геометрическій. Математическій способъ выражаться короче, опредѣленнѣе и яснѣе; но ходъ ума въ изслѣдованіи истины одинъ и тотъ же въ наукахъ Математическихъ, Философскихъ и другихъ; потому что различныя

науки суть только разные языки, которыхъ духъ одинъ и тотъ же. Пусть будетъ предложеніемъ: площадь *треугольника есть произведеніе высоты его на половину основанія*; или можно выразиться вопросомъ: какъ *найти способъ измѣрять поверхность треугольника*?

Съ перваго взгляда здѣсь нѣтъ тожества; но мы увидимъ его, если найдемъ, что поверхность треугольника есть то же, что произведеніе высоты его на половину основанія. Для етаго нужно объяснить, что значитъ найти поверхность, и потомъ сличить ето понятіе съ понятіемъ произведенія высоты на половину основанія.

Измѣрять поверхность, или постепенно накладывать на всѣ части ея другую поверхность опредѣленной величины, н. п. квадратный футъ — есть одно и то же. Но какъ на треугольную поверхность накладывать квадратную? Вотъ въ чемъ все затрудненіе.

Для сего прибѣгнемъ къ слѣдующему опыту. Найти величину количества или отношеніе къ другому количеству, котораго величина извѣстна, есть одно и то же. Найти поверхность квадратнаго фута и найти, что она есть половина поверхности, заключающей въ себѣ два квадратныхъ фута, есть одно и то же. Слѣдо-

вательно, если мы найдемъ поверхность, на которую можно будетъ наложить извѣстное число квадратныхъ поверхностей одинакой величины, найдемъ поверхность и треугольника, зная отношеніе его величины къ величинѣ найденной поверхности.

Для етаго возьмемъ четыреугольникъ. Его можно разсматривать, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ квадратныхъ поверхностей одинакой величины, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ его величину. По етому накладывать на всѣ части четыреугольника поверхности извѣстной величины и раздѣлить его на сіи поверхности есть одно и то же. Съ симъ выраженіемъ будетъ однозначущее выраженіе: взять или умножить число футовъ высоты на число футовъ основанія. Ето выраженіе есть простѣйшее для измѣренія четыреугольника; возьмемъ его вмѣсто предыдущаго выраженія, мы приближимся къ рѣшенію вопроса, если только найдемъ отношеніе треугольника къ четыреугольнику, имѣющему съ нимъ одинакое основаніе и одну высоту.

Четыреугольникъ, раздѣленный діагоналомъ, даетъ два треугольника, которыхъ площади вмѣстѣ взятыя равны площади четыреугольника. Если же они равны между собою, то каждый изъ нихъ въ отношеніи къ четыреугольнику то же,

что половина къ своему цѣлому, или другими словами: мѣра каждаго треугольника есть половина мѣры четыреугольника.

Обратимся къ найденному предложенію: мѣра четыреугольника есть произведеніе высоты его на основаніе. Слѣдовательно мѣра треугольника будетъ половина сего произведенія, или какъ обыкновенно говорятъ: *произведеніе высоты его на половину основанія.*

И такъ рѣшеніе сего вопроса состоитъ въ тожествѣ. Мы должны были одну и ту же мысль перемѣнять въ различныя, однозначущія выраженія; а чтобъ переходить отъ одного выраженія мысли къ другому, должно знать сравниваемые предметы. Въ предложенномъ примѣрѣ мы недошли бы до простѣйшаго выраженія, если бы не получили настоящаго понятія объ *измѣреніи*, *четыреугольникѣ*, *треугольникѣ*, *поверхности*, *сторонѣ*, *діагоналѣ*. Изъ готовыхъ и уже объясненныхъ предложеній можемъ составить силлогизмъ:

Мѣра четыреугольника есть произведеніе высоты на основаніе;

Но треугольникъ есть половина четыреугольника, имѣющаго съ нимъ одну высоту и одно основаніе:

Слѣдовательно мѣра площади треугольника есть произведеніе высоты его на половину основанія.

Мы замѣтили, что ходъ ума во всѣхъ приложеніяхъ одинаковъ; разность состоитъ въ способѣ выраженія. Науки можно принимать за сей различный способъ выраженія способностей: понимать, судить и заключать; и потому во всякой наукѣ можно руководствоваться подобнымъ анализисомъ съ большею или меньшею легкостью, смотря по большей или меньшей мѣрѣ точности и опредѣленности языка. Сдѣлаемъ опытъ надъ предметомъ Философическимъ.

Если бы нужно было отвѣчать на вопросъ: *въ чемъ состоитъ начало способностей нашихъ*, или *въ какой способности душа наша прежде всего обнаруживается?* — Сей вопросъ можно рѣшить, потому что онъ содержитъ въ себѣ всѣ нужныя условія и извѣстныя.

Прежде всего раздѣлимъ сложное понятіе *способности* на частныя, его составляющія — и мы получимъ: *память, воображеніе, чувствованія.*

Теперь данный вопросъ перемѣняется въ слѣдующій: *какая начальная* способность *способностей: памятовать, воображать, чувствовать?*

При малѣйшемъ вниманіи можемъ видѣть, что искомое неизвѣстное заключается въ каждой изъ упомянутыхъ способностей; его нужно только отдѣлить.

Для сего припомнимъ, что душѣ нужно прежде ощущать, чтобъ могла она чувствовать; ей надобно ощущать и чувствовать, чтобъ могла она воображать и памятовать.

Понятіе *ощущенія* входитъ въ составъ каждой изъ нихъ — служитъ основаніемъ помянутымъ способностямъ, и оно должно быть принято за *способность начальную.*

Изъ всего етаго слѣдуетъ, что мы въ разсматриваніи истины имѣемъ одно только средство открывать ее, т. е. идти отъ извѣстныхъ понятій къ неизвѣстнымъ; по етому въ каждомъ вопросѣ, который требуется рѣшить, и въ каждомъ предложеніи, которое должно доказать, необходимо имѣть *извѣстныя условія*, н. п. причину, чтобъ найти дѣйствіе, и на оборотъ, дѣйствіе, чтобъ найти причину.

Ета мысль ведетъ къ другому новому заключенію: что всякой вопросъ и всякое предложеніе заключаетъ въ себѣ рѣшеніе и доказательство; вся трудность умозаключенія состоитъ въ томъ, чтобъ извѣстныя понятія отдѣлять отъ неизвѣстныхъ.

Для сего нужныя средства и способы заключаются въ умѣньи дѣлить понятія на общія и частныя, на роды, виды и особыя.

Такимъ образомъ рѣшается всякое предложеніе, если мы каждую часть его правильно разложимъ, отдѣлимъ извѣстныя понятія отъ тѣхъ, которыя могутъ казаться сомнительными или неизвѣстными, и дадимъ ему самое простѣйшее выраженіе.

Изъ предыдущаго легко вывесть слѣдствіе о неправильности умозаключеній. Два понятія, говорили мы, тогда согласны между собою, когда каждое изъ нихъ согласно съ третьимъ: и потому, если въ одной посылкѣ слова принимаются въ смыслѣ настоящемъ, въ другой въ смыслѣ переносномъ — безъ сомнѣнія заключеніе должно быть несправедливое. Такіе силлогизмы у древнихъ назывались софизмами по имени Софистовъ, которые, по своимъ видамъ, обращали одну и ту же мысль въ разныя стороны. У нихъ извѣстны были разные роды софизмовъ, каковы: крокодилинскіе, рогатые; но общій признакъ для несправедливыхъ умозаключеній есть неравенство каждаго изъ данныхъ понятій среднему члену.

Изъ сего слѣдуетъ заключить, что силлогизмы основываются на главномъ законѣ логическомъ — на *согласованіи*, или

на *соединеніи разнообразія въ единство*, на семъ единственномъ, неизмѣняемомъ способѣ мыслить.

И такъ способъ, какимъ изъ созерцаній душа составляетъ понятія, есть одинъ и тотъ же при составленіи изъ понятій сужденій, а изъ нихъ умозаключеній, изъ которыхъ симъ же способомъ составляются различныя теоріи и системы знаній, называемыя науками.

ГЛАВА VIII.

Топики. Доводы и разсужденія. Способъ располагать разсужденія.

Общіе источники мыслей, изъ которыхъ почерпаются описанія и доказательства для каждаго предмета, составляютъ *Діалектику*, третью часть чистой Логики.

О какомъ бы предметѣ мы ни говорили, прежде всего должны отдѣлить его отъ всѣхъ прочихъ; отдѣлить же не иначе можемъ, какъ открывъ отличительныя его свойства — и тогда мы опредѣляемъ.

Но большая часть понятій, о которыхъ мы разсуждаемъ, бываютъ понятія сложныя: это самое заставляетъ насъ раздѣлять ихъ или разлагать.

Сличая предметъ и части его съ другими предметами, мы замѣчаемъ многія свойства сходныя или несходныя.

Предметы въ природѣ и дѣйствія ихъ тѣсно между собою связаны: отъ того понятія наши о предметахъ и дѣйствіяхъ имѣютъ между собою такую связь, что одно служитъ другому причиною, или одно бываетъ слѣдствіемъ другаго; почему, го-

воря о причинѣ, не лъзя не упомянуть о дѣйствіи, и на оборотъ.

Отсюда общими источниками логическаго доказательства или умозаключенія, слѣдовательно и ораторскаго изобрѣтенія, почитаются: *опредѣленіе, раздѣленіе, отношеніе рода къ видамъ и видовъ къ роду, сходство, противуположность, причина и дѣйствіе.* У древнихъ они назывались *топиками.*

Противъ опредѣленія бываютъ ошибки въ заключеніяхъ нашихъ, когда кто доказываетъ другое, нежели что доказать требуется. Такъ часто Софисты заставляли преклоняться на свою сторону доводами, которые ни мало не относились къ доказываемому предмету. Иногда начинаютъ выводить заключенія изъ такого предложенія, которое еще требуетъ доказательствъ. Таковы заключенія, выведенныя изъ Птоломеевой системы міра, Декартовой Космогоніи, изъ системъ Руссовыхъ.

Иныя опредѣленія объясняютъ свойство вещи: таковы опредѣленія въ наукахъ математическихъ и нравственныхъ. Въ другихъ опредѣленіяхъ раскрывается одно качество, изъ которыхъ другія выводятся. Слѣдовательно лучшее опредѣленіе состоитъ въ изчисленіи всѣхъ свойствъ вещи; а изчисленіе свойствъ не есть ли анализисъ?

Различаютъ опредѣленія словъ отъ опредѣленія вещей; но ето зависитъ отъ степени ума. Возьмемъ опредѣленіе: *душа есть существо, способное чувствовать;* оно есть опредѣленіе слова для того, кто знаетъ способности душевныя; оно же становится опредѣленіемъ вещи для того, кто себя самаго не знаетъ. И такъ опредѣленія показываютъ намъ вещи, о которыхъ намѣрены мы разсуждать; если же можно видѣть безъ опредѣленій, то и онѣ безполезны. Говорятъ: *опредѣленія суть начала.* Дѣйствительно, должно прежде видѣть предметы, чтобъ ихъ изслѣдовать.

Иные ученые, руководимые сею необходимостью опредѣленій, тщетно старались все опредѣлять. Что н. п. значатъ опредѣленія: *прямая линея есть кратчайшая между двумя точками*; или: *душа есть существо безусловное?* Тутъ по видимому предполагается, что предметы извѣстны. Напротивъ, слѣдующія опредѣленія поучительны: *треугольникъ есть поверхность, заключающаяся тремя сторонами*; или: *острота есть способность души открывать въ вещахъ сходство.* Легко вывести причину, почему два первыя опредѣленія ничтожны; ибо другія два объясняютъ вещь. — Должно припомнить, что понятія наши бываютъ

простыя и сложныя: первыхъ опредѣлять мы не можемъ, а только посредствомъ анализиса познаемъ, какъ мы приобрѣли ихъ; сложныя могутъ быть опредѣляемы. Къ опредѣленіямъ понятій простыхъ отнести должно опредѣленія, состоящія въ преложеніи вопроса въ другія только слова. На вопросъ: что есть прекрасное? отвѣчаютъ: то, что нравится. Или, у одного врача спросили: по чему опіумъ наводитъ сонъ? Потому, что имѣетъ силу усыплять.

Не рѣдко въ опредѣленіяхъ отъ міра метафизическаго переходятъ къ міру вещественному и отвлеченныя понятія принимаютъ за существенныя. Такъ н. п. въ Геометріи линея принимается отвлеченно за протяженіе: странно бы думать, что линея, проведенная на какой-либо поверхности, можетъ имѣть одну длину безъ всякой широты. Такъ въ Метафизикѣ, отвлекая отъ матеріи всѣ свойства, представляемъ отвлеченно матерію безъ всякихъ свойствъ; но Алхимисты, принявъ ее за вещество, долго искали черезъ огонь: разумѣется, тогда бы они нашли ее, когда бы кто-либо провелъ линею безъ всякой широты. Не то же ли разумѣть должно о пространствѣ, о времени? — Время знаемъ мы по послѣдованію мыслей нашихъ; о вре-

мени вещей внѣшнихъ судимъ мы по времени мыслящаго существа своего. Мы представляемъ чрезъ ето общую мѣру для измѣренія всего, что внѣ насъ существуетъ. Продолжаться значитъ измѣняться, существовать. Какъ послѣдованія ощущеній одно за другимъ доводятъ насъ до отвлеченнаго понятія о *времени;* такъ совокупное существованіе ощущеній раждаетъ понятіе *пространства.*

Способъ, какимъ составляются опредѣленія, есть собственно синтетической; мы приискиваемъ къ данному понятію родъ и беремъ только разность етаго рода. То же дѣлаемъ при составленіи силлогизма. Слѣдовательно тогда можно опредѣлять, когда аналитически разсмотрѣнъ предметъ.

Неправильное *раздѣленіе* или разложеніе понятій также вводитъ въ заблужденіе. Каждая часть понятій имѣетъ свое отличительное свойство; и потому, чтобъ произнести вѣрный судъ о цѣломъ, необходимо должно разсмотрѣть все, что составляетъ какое-либо понятіе сложное. Напротивъ, тѣ, которые намѣрены убѣдить насъ въ своемъ ложномъ мнѣніи, съ намѣреніемъ упускаютъ изъ виду необходимое качество предмета. Было время, когда смѣялись надъ тѣми, которые предполагали жителей на другой половинѣ земнаго ша-

ра. Такъ Лактанцій почиталъ сіе предположеніе невозможнымъ. Иногда, изчисляя всѣ части, выражаютъ ихъ двусмысленно. Справедливо, что мы должны любить и *враговъ* нашихъ; но странно заключить, что мы должны любить и страсти свои, потому что онѣ также называются *врагами*. Въ первомъ случаѣ врагъ принимается въ настоящемъ значеніи; во второмъ — въ переносномъ. — Часто доказываемъ не то, о чемъ идетъ рѣчь. Гарпагонъ у Мольера обвиняетъ Валерія въ ужаснѣйшемъ преступленіи; Валерій уже сознается; но одинъ разумѣетъ деньги, другой — предметъ страсти своей. — Раздѣленіе и тогда неправильно, когда принимаютъ за основную истину, что еще недоказано. Сколько примѣровъ етому встрѣчаемъ у древнихъ въ ихъ космогоніяхъ, пневматологіяхъ, гдѣ отъ одной невѣрности попадали они въ бездну заблужденій. Множество подобныхъ невѣрныхъ заключеній можно встрѣтить въ сочиненіяхъ, особенно относящихся къ объясненію свободной воли человѣка и другихъ нравственныхъ предметовъ.

Иные доказываютъ однимъ только сходствомъ, между тѣмъ какъ разумъ требуетъ доводовъ существенныхъ, по тѣмъ признакамъ или качествамъ понятія,

которыя его составляютъ. Часто подобныя заключенія могутъ приводить къ щастливымъ догадкамъ и предположеніямъ, которыхъ однако нельзя принимать за настоящую истину. Никто не станетъ убѣждать другихъ въ томъ, что планета Марсъ имѣетъ обитателей своихъ, хотя движенія ея, сходныя съ движеніями нашей планеты, подаютъ мысль и объ одинакомъ ея назначеніи.

Всего чаще мы ошибаемся въ сужденіяхъ, принимая за причину то, что неимѣетъ ни малѣйшаго свойства причины. Два современныя происшествія иногда такъ смѣшиваемъ, что принимаемъ одно за слѣдствіе другаго, хотя они неимѣютъ никакой связи. Ошибаемся въ заключеніяхъ своихъ тогда, когда принимаемъ предыдущее за послѣдующее, и на оборотъ. Также судимъ о вещахъ по наружнымъ и случайнымъ признакамъ, между тѣмъ какъ каждая изъ нихъ имѣетъ качество существенное и непосредственное. — Отъ сихъ ложныхъ заключеній произошли суевѣрныя мнѣнія о кометахъ, о предвѣщаніи птицъ, о томъ, что иной человѣкъ можетъ принести съ собою другому щастіе. Во всѣхъ сихъ случаяхъ мы принимаемъ за причину или дѣйствіе какого-либо предмета то, что съ нимъ только въ одно время случается.

Примѣнимъ сіи замѣчанія къ примѣру. Мы прежде заимствовали изъ Цицероновыхъ философическихъ сочиненій красноречивый силлогизмъ о томъ, что *одинъ мудрецъ свободенъ, всякой невѣжда рабъ.* Приведенный примѣръ заключаетъ въ себѣ образцовое опредѣленіе, за которымъ у Оратора-Философа слѣдуетъ искусное раздѣленіе, гдѣ представляется рабъ-супругъ, рабъ-роскошный, рабъ-богачь, рабъ-честолюбецъ. —

Послѣ сего раздѣленія Цицеронъ по дѣйствіямъ заключаетъ о причинѣ слѣдующимъ краткимъ, но сильнымъ вопросомъ, предоставляя всякому мыслящему удовольствіе самому отвѣчать на оный:

„Теперь судите о Суллѣ, справедливо ли его прославляютъ и называютъ великимъ — и можетъ ли повелѣвать тотъ, кого нельзя назвать и свободнымъ человѣкомъ?"

Въ сихъ общихъ средствахъ заключаются источники доводовъ. Замѣтимъ, что есть предметы, при разсматриваніи которыхъ довольно указать на опыты, постигаемые чувствами; такія доказательства называются собственно *опытными.* Но въ предметахъ нравственныхъ сей родъ доказательства бываетъ недостаточнымъ, почему мы должны бываемъ выводить заключенія свои изъ началъ ра-

зума и сіи истины примѣнять къ опытамъ; такія доказательства называются *умственными*.

Сверхъ того различаются доказательства, смотря потому, разсматриваемъ ли мы предметъ свой самъ по себѣ взятой, или не касаясь его, прежде обращаемъ вниманіе на понятія совершенно противуположныя. Первый способъ доказывать называется *прямымъ*, вторый *косвеннымъ*. Такъ иные доказываютъ безсмертіе души, прежде убѣждая въ невозможности, чтобъ всѣ душевныя наши приобрѣтенія, чувствованія, мысли, знанія и все зависящее отъ мыслящей способности — чтобъ все ето изчезло вмѣстѣ съ тѣломъ, подобно другимъ вещественнымъ предметамъ.

Сообразивъ, какимъ образомъ всѣ части, составляющія предметъ, предлагаются на изслѣдованіе, представляется еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ должно располагать доказательства? Иные, начиная съ общихъ извѣстныхъ истинъ, которыя раздѣляются на виды, разсматриваютъ ихъ по сходству и разности съ другими предметами, и отъ одного начала, служащаго основаніемъ какому-либо цѣлому понятію, идутъ въ доказательствахъ своихъ къ частямъ. Сей способъ, бывшій болѣе въ употребленіи у древнихъ,

называется *Синтетическимъ*. По мнѣнію Декарта, такъ могутъ быть излагаемы знанія, уже приведенныя въ систему. Но сей родъ доказательствъ, при всей опредѣленности своей, не ведетъ къ новымъ заключеніямъ.

Другіе прежде всего разсматриваютъ части, и какъ каждая часть въ извѣстномъ цѣломъ соединена съ другою, то, постепенно наблюдая ихъ, доходятъ до общаго заключенія, которое въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ мыслямъ есть то же, что причина въ отношеніи къ дѣйствію. Такой способъ доказательствъ, употребляемый въ точныхъ наукахъ, называется *Аналитическимъ*. Онъ только тогда удовлетворяетъ любопытству нашему, когда доводитъ до мысли главной, существенной и служащей основаніемъ, и послѣ дѣлаетъ насъ способными ту же истину примѣнять къ другимъ предметамъ; почему и называется способомъ изобрѣтательнымъ.

Анализисъ есть единственное средство для изобрѣтеній, какъ способъ, постепенно приводящій насъ къ началу вещи. Сей способъ изслѣдуетъ истину не посредствомъ общихъ предложеній, а составленіемъ и разложеніемъ понятій и сравненіемъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ анализисъ показываетъ очевидность

въ разсужденіяхъ нашихъ; только помощію сего способа можно открыть истину неизвѣстную и убѣдиться въ извѣстной. Превосходство сего способа доказывается науками математическими.

И такъ искусство мыслить состоитъ въ знаніи разлагать понятія, отличать простыя и сложныя, роды и виды и сравнивать одно понятіе съ другимъ. Слѣдовательно рѣшеніе всегда заключается въ вопросѣ, въ которомъ предполагается извѣстное число данныхъ условій; чрезъ нихъ находятся неизвѣстныя. Анализисъ отдѣляетъ извѣстныя отъ неизвѣстныхъ, которыя сравненіемъ опредѣляются и становятся извѣстными. Напротивъ вопросъ можетъ быть неразрѣшимымъ, если въ немъ не будетъ потребныхъ извѣстныхъ условій. Большая часть нелѣпыхъ заключеній происходитъ отъ того, что мы беремся рѣшать все, не думая объ условіяхъ.

Заключимъ изъ етаго, что въ данномъ вопросѣ всегда предстоитъ намъ два дѣла: умѣть выразить вопросъ данными извѣстными условіями и отдѣлить отъ извѣстныхъ неизвѣстныя. Для етаго одно средство: привести данныя условія въ простѣйшее выраженіе. Способъ *разсуждать* долженъ быть одинъ и тотъ же во всѣхъ наукахъ.

ГЛАВА IX.

Дѣйствительность знаній. Объ истинѣ вообще. О знакахъ, какъ необходимомъ условіи знаній и истины.

До сихъ поръ наблюдали мы, какъ душа ощущаетъ, созерцаетъ, понимаетъ, судитъ и заключаетъ; разсматривали, какое разнообразіе дѣйствій заключается въ семъ единомъ существѣ; видѣли, что душа во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ употребляетъ одинъ способъ: соединеніе разнообразія въ единство. Изъ всего етаго слѣдуетъ заключить, что *знаніе есть не иное что, какъ изслѣдованіе согласія или несогласія собственныхъ мыслей нашихъ.* Но могутъ возразить: „кто увѣритъ насъ въ точности идей нашихъ? Отъ чего такая разность въ умахъ людей, которые всѣ по видимому замѣчаютъ согласіе и несогласіе въ мысляхъ своихъ? Какъ отличимъ мы мечты отъ строгихъ разсужденій?"

Знаніе наше о предметахъ тогда *дѣйствительно*, когда понятія наши сходны съ самими предметами. — Но здѣсь рождается новый вопросъ: гдѣ тотъ признакъ или критерій, которой можетъ убѣ-

дить насъ, что идеи наши согласны съ предметами?

Припомнимъ, что *вселенная, человѣкъ и все его окружающее есть изліяніе одного предвѣчнаго Свѣта световъ, развитіе одного и того же божественнаго начала.* Въ достовѣрности чувствованій нашихъ мы убѣждены; неизмѣняемыя формы разума намъ также извѣстны: слѣдуетъ, что идеи простыя, какъ произведенія существенныхъ предметовъ на насъ, суть дѣйствительные отпечатки. Идея *бѣлизны* или *кислоты* согласна съ силою тѣла, производящею въ насъ сіи идеи; и потому онѣ не подвержены никакому сомнѣнію. Другой родъ идей дѣйствительныхъ, точныхъ, опредѣленныхъ составляютъ идеи сложныя, отвлеченныя, которыя не суть изображенія какого-либо предмета внѣ насъ, но суть идеи *первоначальныя;* къ нимъ примѣняются предметы, и по мѣрѣ приближенія къ нимъ заключаемъ о сихъ предметахъ. Таковы идеи наши въ наукахъ математическихъ и нравственныхъ. Геометръ изслѣдуетъ истину или свойство разсматриваемыхъ предметовъ, не обращая вниманія на то, существуютъ ли въ природѣ точно такіе предметы. Все, что знаетъ онъ вразсужденіи предметовъ, представляемыхъ въ умѣ его, также справедливо будетъ, если сіи

предметы ума его получатъ существованіе въ природѣ. Такъ и Философъ, составивъ идею о правосудіи, выводитъ заключенія свои безъ всякаго отношенія къ внѣшности. Въ етомъ состоитъ, какъ замѣтили мы, приступая къ Логикѣ, занятіе нравственной Философіи — *одушетворять вещественное*. По чему называемъ мы одного честнымъ, другаго милосердымъ? Примѣняя свойства того и другаго къ составленной въ разумѣ идеѣ о честности, о милосердіи.

И такъ нѣтъ предѣловъ для изслѣдованій ума нашего? — Сущность предметовъ навсегда останется для насъ неизслѣдованною; мы только знаемъ болѣе или менѣе свойствъ; но начала или душа созерцаемыхъ нами свойствъ есть предметъ самаго Провидѣнія.

Заключимъ, что всякое созерцаніе согласія или несогласія между идеями есть знаніе; что знаніе наше дѣйствительно, когда идеи согласны съ самыми предметами; наконецъ, что мы имѣемъ признаки для повѣрки идей нашихъ съ предметами.

Соединеніе или раздѣленіе знаковъ мыслящей способности нашей, или какъ обыкновенно говорятъ, утвержденіе и отрицаніе, есть собственно *истина*. Но какъ мы мыслимъ или посредствомъ идей въ умѣ нашемъ, или посредствомъ словъ: то

Логическая истина можетъ состоять въ соединеніи или раздѣленіи однѣхъ идей или словъ.

Всякой на себѣ можетъ испытать, что происходитъ въ насъ, когда мы утверждаемъ или отрицаемъ. Думая о раздѣленіи площади квадрата на извѣстное число квадратныхъ футовъ, мы идеи о квадратѣ и квадратномъ футѣ соединяемъ или раздѣляемъ, другими словами — утверждаемъ или отрицаемъ, составивъ такимъ образомъ въ умѣ нашемъ умозаключеніе истинное или ложное, смотря потому, согласна ли дѣлимость квадрата съ квадратнымъ футомъ.

Въ разсужденіяхъ сложныхъ мы прибѣгаемъ къ другимъ знакамъ, для собственнаго облегченія нашего — къ словамъ. Такъ сколько понятій соединяется въ одномъ названіи животнаго, человѣка, Европейца. Отъ соединенія или раздѣленія сихъ знаковъ или словъ происходитъ истина *словесная*. Сей родъ истины требуетъ только, чтобъ знаки соединены были по извѣстному согласію или несогласію идей, не принимая въ разсмотрѣніе, таковы ли самыя идеи, каковы ихъ образцы въ природѣ. Если же мы увѣрены и въ етомъ, тогда получаемъ *истину дѣйствительную*. Сверхъ того мысли наши могутъ быть логически возможны, безъ отношенія къ

вещамъ существующимъ: такую истину называютъ *логическою*.

Здѣсь становится ощутительною важность *знаковъ*, отъ опредѣленности которыхъ зависитъ ясность мыслей. Отсюда явствуетъ также *необходимость Логики во всѣхъ родахъ знаній, для ихъ основанія, хода и направленія, равно какъ необходимость языка для ихъ выраженія*. Для умовъ поверхностныхъ языкъ представляется механическимъ собраніемъ болѣе или менѣе нужныхъ словъ; люди мыслящіе знаютъ, что каждое слово есть знакъ наблюденія или знанія. Философическое строеніе словъ, требующее вниманія, напрягаетъ умственныя силы; пропуская одинъ знакъ въ рѣчи, не обращая вниманія на одно какое-либо мѣсто, мы не получимъ въ точности цѣлой выражаемой мысли. Если же присоединить къ тому сорокъ или болѣе тысячь словъ, составляющихъ языкъ, всѣ перемѣны словъ и языкъ письменный: то сколько упражненія для разума, даже въ простомъ, механическомъ изученіи языка, сколько способовъ для развитія способностей въ изслѣдованіи законовъ, которымъ подчинены выраженія, равно въ примѣненіи сихъ законовъ къ разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Прибавимъ къ етому отвлеченія, которыхъ мы не могли бы сдѣлать

безъ словъ; потому что умъ не могъ бы обнять всѣхъ подобныхъ свойствъ, находящихся въ предметахъ, если бы не употреблялъ для сего знаковъ, которые заключаютъ въ себѣ собраніе сихъ одинакихъ свойствъ. Сими пособіями мы изслѣдуемъ всѣ отношенія предметовъ во вселенной — и проникаемъ во всѣ таинства ея законовъ. Въ семъ-то отношеніи Философія съ отраслями своими можетъ по справедливости назваться *наукою наукъ*.

Удивляются, что нравственныя истины и на нихъ основанныя науки не столь точны и опредѣленны, какъ математическія. Дѣйствительно для того онѣ неопредѣленны, кто во всю жизнь не обращалъ вниманія на себя самаго, на постепенное развитіе и совершенствованіе способностей — кто не примѣчалъ, что первые успѣхи его и возвышенность души зависятъ отъ языка, и чѣмъ кто щастливѣе въ семъ первомъ руководствѣ, тѣмъ тотъ щастливѣйшимъ послѣ бываетъ наблюдателемъ, болѣе или менѣе проницательнымъ, глубокомысленнымъ, ученымъ. И большей части людей неучившихся, въ чемъ другомъ состоятъ свѣдѣнія, какъ не въ естественной системѣ языка? И что самый языкъ, какъ не собраніе, болѣе или менѣе правильное приобрѣтенныхъ наблюденій въ природѣ физической и моральной?

Законы же какъ въ видимомъ мірѣ, такъ и въ нравственномъ, одинаковы и неизмѣнны. Если они и кажутся намъ неточными и неосновательными: то сіе зависитъ отъ неточности знаковъ, которыми выражаемъ свои наблюденія. Можно ли дивиться несогласію въ мнѣніяхъ нравственныхъ при столь различномъ объясненіи словъ или знаковъ, выражающихъ чувствованія и мысли, при столь разнообразномъ, неправильномъ соединеніи ихъ и строеніи? Напротивъ, отъ чего всѣ мыслящіе люди согласны въ истинахъ? Отъ единства ихъ понятій, отъ одинакаго употребленія знаковъ понятій.

Изъ етаго должно заключить, что философическое изученіе языка, какъ собранія знаковъ мыслей, должно состоять въ разположеніи понятій, сими знаками выражаемыхъ, въ соблюденіи ихъ связи и порядка, въ указаніи на то, какимъ образомъ изъ простаго соединенія или раздѣленія идей и знаковъ ихъ образуются обширныя системы наукъ и всѣхъ знаній человѣческихъ.

ГЛАВА X.

Ограниченность человѣческихъ познаній. Причины заблужденій. Образованіе душевныхъ способностей.

Мы видѣли, какъ впечатлѣнія предметовъ на чувства наши производятъ въ умѣ представленія; сіи представленія возобновляются воображеніемъ; изъ нихъ составляются понятія, удерживаемыя памятью, изъ которыхъ происходятъ сужденія; а по нимъ умъ заключаетъ. Изъ сего происходитъ полное размышленіе о предметахъ — теоріи знаній — науки. Дѣйствія душевныхъ способностей, законы мыслей нашихъ и употребленіе сихъ законовъ изложены въ трехъ частяхъ *чистой Логики:* Идеологіи, Аналитикѣ и Діалектикѣ. Если бы всѣ мы согласно съ ними приобрѣтали понятія, приобрѣтенныя понятія повѣряли, осторожно выводили бы заключенія свои: тогда не подвергались бы столькимъ заблужденіямъ и всегда находили бы въ умствованіяхъ истину, въ поступкахъ добродѣтель, въ произведеніяхъ красоту. Но способности не у всѣхъ имѣютъ одинакую степень совершенства и образованія; не всѣ

имѣютъ одинакой способъ наблюдать и повѣрить наблюденія свои опытами; не всѣ знаютъ настоящій путь, по которому должно слѣдовать къ истинѣ, и порядокъ, необходимый для достиженія сей цѣли: отъ того призраки принимаются за точныя представленія ума, заблужденія за дѣйствительныя умствованія, мечты за вѣрныя познанія. Показать ограниченность разума нашего и средства къ его совершенствованію въ приобрѣтеніи понятій, въ составленіи умозаключеній и въ распространеніи познанія: вотъ въ чемъ состоитъ предметъ Логики *прикладной*.

Изъ сего же слѣдуетъ, что приложеніе ея должно относиться къ пріобрѣтенію знаній вообще по тремъ частямъ чистой Логики: Идеологіи, Аналитикѣ и Діалектикѣ.

Первый предметъ сей части состоитъ въ изслѣдованіи начальныхъ *причинъ заблужденій*. Говорятъ: чувства, воображеніе, страсти причиняютъ ихъ.

Дѣйствительно заблуждаются отъ излишней довѣренности къ *чувствамъ*; заблуждаются и отъ небрежности повѣрять ими мысли. Часто по первымъ впечатлѣніямъ судятъ и выводятъ заключенія, не думая о томъ, что одно чувство иногда недостаточно раскрываетъ предметъ; что сила ощущеніи зависитъ отъ мѣры

впечатлѣній, времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ; что орудія чувствъ не всегда бываютъ въ одинакомъ состояніи. Съ другой стороны ожидаютъ насъ едва ли не большія ошибки. Не повѣряя представленій ума чувствами, вѣримъ существованію предметовъ въ природѣ такихъ, которыя находятся только въ нашемъ воображеніи. Едва ли можно найти состояніе человѣка болѣе жалкое, какъ состояніе безпрестаннаго ужаса отъ воображаемыхъ суевѣріемъ домовыхъ, лѣсовиковъ, ворожей.

Отсюда проистекаютъ и заблужденія *воображенія*, которое изъ невѣрныхъ и обманчивыхъ впечатлѣній и ощущеній составляетъ такого же рода представленія. Баконъ сравниваетъ такія представленія съ магическимъ зеркаломъ, которое уродуетъ всѣ предметы, въ немъ изображающіеся.

Отъ безобразнаго представленія предметовъ воображенія, всегда для насъ обольстительнаго, рождаются *страсти*. Желать чего-либо, не думая о возможности етаго достигнуть, значитъ не разсуждать. Очевидно, къ какимъ заключеніямъ можетъ вести состояніе человѣка неразсуждающаго.

Взглянемъ на ходъ и порядокъ мыслей нашихъ, изъ которыхъ составляются

сужденія. Не видимъ ли, что мы съ дѣтства приучаемся судить о вещахъ, о которыхъ не имѣемъ точныхъ или совсѣмъ никакихъ понятій; что употребляемъ вмѣсто ихъ знаки, неопредѣливъ настоящаго значенія сихъ знаковъ; что съ такимъ скуднымъ запасомъ идемъ къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ? Отъ того справедливо почитаютъ причиною заблужденій и *предразсудки*, и *неопредѣленность языка* и отъ того происходящій недостатокъ и сбивчивость *памяти*.

Самыя вѣрныя понятія, получаемыя въ юности, имѣютъ началомъ необходимость размышлять о самихъ себѣ; въ семъ случаѣ природа руководствуетъ дѣйствія ума нашего и мы ясно видимъ отношенія предметовъ къ намъ самимъ. Желая узнать болѣе и не имѣя довольно терпѣнія, чтобы все самимъ изслѣдовать, мы прибѣгаемъ къ другимъ, получаемъ большею частію объясненія предметовъ неточныя или въ сбивчивомъ порядкѣ — съ полною довѣренностію принимаемъ ихъ за вѣрное познаніе вещей и такимъ образомъ наполняемъ умъ мыслями случайными, а не опытными. Начиная судить, мы судимъ одинаково съ тѣми, отъ кого получили знанія, или справедливѣе предразсудки, и удаляемся отъ тѣхъ, которые судятъ иначе и намъ противорѣчатъ, бу-

дучи увѣрены, что не льзя имѣть какой-либо другой образъ мыслей. Сіи-то предразсудки, укореняясь въ насъ временемъ и привычкою, становятся началами, на которыхъ мы основываемъ всѣ заключенія ума и вмѣстѣ поступки; потому что всякому поступку предшествуетъ мысль. Если вспомнимъ сверхъ того, что въ возрастѣ разума приходимъ мы уже тогда, какъ приобрѣтаемъ навыкъ выражаться, не думая о точности и опредѣленности знаковъ выраженія: то не станемъ удивляться, что рѣдко два лица соглашаются въ предметѣ разговора своего. Безъ сомнѣнія никогда не льзя согласиться и въ рѣшеніи задачъ математическихъ, если каждый изъ рѣшающихъ будетъ разумѣть подъ извѣстными количествами особенныя свои величины.

Отъ чего же такая точность и опредѣленность въ наукахъ математическихъ? Тамъ знаютъ происхожденіе каждаго понятія, умѣютъ разлагать и снова составлять понятія, чтобъ сравнивать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но и въ Математикѣ можно по извѣстнымъ правиламъ знать искусство считать и измѣрять, и оставаться при нихъ; потому что одинъ анализисъ показываетъ начала, изъ которыхъ правила выведены, ихъ причины, и ведетъ къ изслѣдованію новыхъ правилъ.

Такъ и во всѣхъ наукахъ истина познается анализисомъ. Если случается впадать въ невѣрныя заключенія: то единственно отъ неумѣнья разлагать и снова составлять понятія наши, чтобъ видѣть всѣ ихъ отношенія и быть въ состояніи ихъ съ точностію опредѣлять. Обыкновенно думаютъ, что языкъ, разумѣя подъ етимъ собраніе знаковъ мыслей нашихъ, служитъ только къ сообщенію чувствованій, желаній и свѣдѣній. Но языкъ для мыслящаго долженъ служить важнѣйшимъ орудіемъ — средствомъ и способомъ къ приобрѣтенію познаній новыхъ. Языкъ неопредѣленный сообщаетъ и познанія неопредѣленныя — однѣ заблужденія; напротивъ отъ лучшаго его знанія зависитъ и лучшее умѣнье судить; а отъ совершенства его ожидать можно совершенства въ наукахъ философическихъ.

Зная ограниченность способностей, человѣкъ мыслящій не удивится, встрѣчая ошибки въ сужденіяхъ и заблужденія. Если знаніе состава человѣческаго тѣла необходимо для искусства врачевать; ибо доводитъ до начальной причины и мѣста недуга: въ такомъ же отношеніи къ душѣ необходимо знаніе способностей и ихъ дѣйствій, чтобъ открывать начало заблужденія: такое познаніе показываетъ и средства къ избѣжанію онаго. Прини-

мая неточность и неопредѣленность понятій за главный источникъ заблужденій, тутъ же находимъ и средство предостерегать себя отъ нихъ: сіе средство состоитъ въ анализисѣ и вѣрности знаковъ.

Справедливость етаго очевидна, потому что вѣрные знаки или опредѣленный языкъ приучаютъ умъ къ правильности; тогда должны мы говорить, отдавая отчетъ въ мысляхъ своихъ; не иначе можемъ найти приличное для мысли выраженіе, какъ посредствомъ раздробленія сей мысли; всѣ слова, для полнаго смысла, должны имѣть связь и порядокъ. При употребленіи языка правильномъ мы принуждены бываемъ соединить все вниманіе наше въ себѣ самихъ, отвлечь его отъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ и предохранить себя отъ всего, что могло бы нарушить спокойное наблюденіе. Такимъ образомъ, приучая вниманіе къ правильности, мы вмѣстѣ научаемся и правильному направленію его при разсматриваніи предметовъ. Языкъ показываетъ намъ естественный способъ изслѣдовать и наблюдать предметы — способъ аналитическій. Сей только способъ служитъ къ развитію душевныхъ способностей.

ГЛАВА XI.

Средства, необходимыя къ распространенію и совершенствованію познаній: наблюденія, опыты и способъ расположенія ихъ.

Способъ, посредствомъ котораго открываемъ какую-либо истину, въ одномъ умозаключеніи можетъ вести насъ къ другой и многимъ истинамъ. Желая приготовить умъ къ новымъ открытіямъ, должно умѣть наблюдать прежнія. Мы видѣли, что начальныя основанія наукъ состоятъ изъ понятій простыхъ, изъ которыхъ составляются понятія сложныя; отсюда заключили мы, что *начало истины* состоитъ въ связи и порядкѣ, при составленіи понятій необходимомъ, и въ вѣрности знаковъ, которыми понятія выражаются. Симъ способомъ познаемъ происхожденіе понятій, о которыхъ разсуждаемъ — знаемъ, гдѣ мы въ изслѣдованіяхъ своихъ, какъ достигли мѣста, нами занимаемаго, куда остается намъ продолжать путь свой и гдѣ предѣлы нашимъ познаніямъ. Сей способъ, для распространенія и совершенствованія познаній, требуетъ *на-*

блюденій, опытовъ и философическаго ихъ расположенія.

Человѣкъ необразованный и просвѣщенный отличаются степенью и силой вниманія. Въ одномъ оно ограниченно и слабо; въ другомъ обширно и сильно. Просвѣщенный и мыслящій въ наблюденіяхъ своихъ соединяетъ всѣ впечатлѣнія, какія только предметъ наблюдаемый можетъ въ насъ произвести. Правда, что сіи впечатлѣнія несчетны. Но сколько н. п. новыхъ существъ открываемъ съ помощію микроскопа, и сколько увидѣли бы другихъ существъ съ помощію орудія совершеннѣйшаго! Съ какою точностью слѣпые читаютъ посредствомъ осязанія; съ какою быстротою глухо-нѣмые понимаютъ насъ по движеніямъ устъ! Ето показываетъ, что совершенство наблюденій зависитъ отъ собственнаго нашего вниманія. Для сего вниманіе беретъ себѣ въ помощь нужныя средства: методу, чувства и орудія механическія.

Вразсужденіи перваго мы уже изъ предыдущаго заключили, что единственная, истинная метода наблюдательная есть анализисъ. Всякое впечатлѣніе, производимое на насъ внѣшнимъ предметомъ,

бываетъ сложное; узнать его можно единственно посредствомъ разложенія.

Касательно чувствъ, наука врачеванія должна бы составить особую науку, которая изслѣдовалабъ средства къ усовершенствованію чувственныхъ орудій. Физіологія подаетъ для сего одно только средство: умѣренное упражненіе чувствъ и соединеніе ихъ дѣйствія какъ бы въ одинъ фокусъ. Это подтверждается опытомъ надъ слѣпыми и глухо-нѣмыми.

Орудія механическія замѣняютъ недостатокъ орудій нашихъ чувственныхъ. Однѣ придаютъ болѣе дѣятельности ощущеніямъ и сближаютъ насъ съ предметами: таковы орудія оптическія. Другія служатъ намъ средствомъ опредѣлять съ большею точностью отношенія собственныхъ нашихъ ощущеній: таковы термометры, вѣсы. Есть орудія, показывающія намъ отличительные признаки въ предметахъ, совершенно укрывающіеся отъ нашихъ чувствъ: таковъ калориметръ Лавуазьеровъ, електрометръ и другіе. Философическое совершенство сихъ орудій состоитъ въ томъ, чтобъ очевиднѣе показать отношенія общихъ законовъ природы съ законами нашей организаціи.

Таковыя наблюденія тогда становятся полезными, когда мы, сличая и сравнивая ихъ, выводимъ общія заключенія. Возобновляя наблюденія, мы всегда можемъ примѣчать, какъ случайныя свойства предмета отъ него отдѣляются и оставляютъ мѣсто свойствамъ существеннымъ, неизмѣняемымъ. Сіи-то общія заключенія, простѣйшія и основныя, составляютъ предметъ философическихъ изслѣдованій. Тутъ мы отличаемъ причину, которая всегда постоянна и неизмѣняема, отъ дѣйствія, подверженнаго перемѣнамъ; одну принимаемъ за родъ, другое за видъ. Откроемъ ли въ одномъ какомъ-либо явленіи по видимому одинакіе многіе законы: прибѣгнемъ къ законамъ разума, согласованію, двумъ крайностямъ и достаточной причинѣ, или приведемъ ихъ къ одному закону — къ соединенію разнообразія въ единство.

При всемъ тщательномъ изслѣдованіи отношеній между явленіями, всегда остается для насъ множество отношеній неизвѣстныхъ и непостижимыхъ; всегда остаются причины, которыхъ дѣйствія незамѣчены. Для открытія простѣйшихъ началъ наблюденія недостаточны: отсюда необходимость *опытовъ*.

Въ опытахъ отличать должно явленіе, какое хотимъ произвести, чтобы наблюдать его, и средства, для сего употребляемыя. Иногда мы видимъ, что въ одномъ явленіи соединяется множество началъ: тогда мы раздѣляемъ ихъ, чтобъ наблюдать каждое. Такъ Лавуазье увидѣлъ необходимость подвергнуть опытамъ воздухъ и воду, какъ существа сложныя, которыя прежде почитались существами простыми. Иногда желаемъ узнать, что произойдетъ съ вещію, когда что-либо къ ней присоединимъ. Такъ въ сельскомъ хозяйствѣ испытываютъ способъ удобренія земли прибавленіемъ разныхъ веществъ. По етому въ опытахъ различать должно самое производство отъ намѣренія: прежде должно мысленно составить образецъ, которому бы слѣдовать на самомъ дѣлѣ. Слѣдовательно и здѣсь встрѣчаемъ анализисъ. Посредствомъ опыта мы отдѣляемъ причину, которая, дѣйствуя съ другими причинами, укрывается отъ нашего вниманія. Съ другой стороны встрѣчаемъ синтезисъ, желая узнать слѣдствія новаго опыта. Въ опытахъ часто синтезисъ служитъ подтвержденіемъ анализису, и на оборотъ, какъ въ Ариѳметикѣ дѣленіе повѣряется умноженіемъ и обратно. Логика здѣсь также подаетъ правила свои.

По закону аналогіи, полезно испытывать средства, которыя прежде употреблены были въ другихъ обстоятельствахъ. Если же нужда требуетъ употребить новыя средства, то должно напередъ опредѣлить непосредственныя условія, опыты и общіе законы природы. Сіи правила одушевляются творческимъ геніемъ испытателя, который можно назвать особою симпатіею идей: отъ сей непостижимой симпатіи идеи представляются уму при первой необходимости. Здѣсь всѣ душевныя способности подаютъ взаимную себѣ помощь: вниманіе наблюдаетъ; память хранитъ наблюденіе; воображеніе приготовляетъ новые предметы для наблюденій.

Природа, первая воспитательница ума нашего, первая научаетъ его и способу излагать знанія свои. Дитя и дикой, начиная наблюдать, начинаютъ вмѣстѣ приводить въ порядокъ наблюденія: въ нихъ примѣтить можно методу, которой они сами незамѣчаютъ. Етаго требуетъ безчисленное и необозримое множество предметовъ и явленій, поражающихъ чувства человѣка. Сначала онъ располагаетъ сбивчиво, принимая виды за особыя понятія. Но по мѣрѣ новыхъ, удачнѣйшихъ наблюденій открываются предъ нимъ новое

сходство и разность предметовъ: и тогда приближается онъ къ наблюденію философическому, которое стремится выводить заключенія общія. *Классорасположеніе* есть одно изъ необходимыхъ условій для точности, опредѣленности и ясности нашихъ познаній.

Классорасположеніе *естественное* различается отъ *искусственнаго*. Есть отношенія, въ которыхъ всякое классорасположеніе можно назвать искусственнымъ; есть другія, въ которыхъ оно становится естественнымъ. Въ произведеніяхъ природы мы встрѣчаемъ однѣ особыя понятія; понятія же рода, вида суть произведенія ума нашего — онѣ только въ немъ существуютъ. Въ етомъ отношеніи всякое классорасположеніе есть искусственное. Однако же мы неиначе дѣлимъ на роды и виды, какъ по впечатлѣніямъ, какія на насъ производятся предметами, и по признакамъ ихъ общимъ и частнымъ. Сіи признаки состоятъ не въ нашей волѣ; они зависятъ отъ законовъ природы. Въ семъ отношеніи всякое классорасположеніе можно назвать естественнымъ.

Слѣдовательно, принимая различіе между классорасположеніемъ искусствен-

нымъ и естественнымъ, мы хотимъ показать, что одно болѣе принадлежитъ изобрѣтенію разума, другое основывается преимущественно на законахъ природы. Такъ отличаемъ въ природѣ царство минераловъ, гдѣ видимъ одни законы движенія; царство растѣній, гдѣ примѣчаемъ дѣйствіе законовъ, свойственныхъ существамъ органическимъ; царство животныхъ, въ которыхъ находимъ дѣйствія, свойственныя чувственности. Человѣкъ долженъ бы въ исторіи природы составить особое царство, въ которомъ видимъ разумъ. Исторія, собственно называемая, для Философа есть какъ бы продолженіе Исторіи Естественной. Въ Анатоміи отдѣляются нервы отъ мускуловъ, костей и жидкостей. Вотъ классорасположеніе естественное.

Но представьте необходимость привести въ порядокъ огромную библіотеку. Человѣкъ ученый различитъ нѣсколько родовъ и видовъ, къ которымъ должно отнести тѣ или другія сочиненія. Таковые роды могутъ быть: сочиненія наукъ и искусствъ. Каждый изъ сихъ родовъ будетъ имѣть свои роды, каковы науки: Богословія, Философія, Математическія науки, Юридическія и т. д. Такое классорасположеніе есть искусственное.

Искусственное классорасположеніе основывается на отношеніяхъ мѣста и положенія, на внѣшнихъ признакахъ, каковы большею частію признаки въ системѣ Ботаники Турнефортовой. Иногда принимаютъ въ основаніе число частей какого-либо вида: Линней принялъ въ основаніе число тычинокъ и пестиковъ. Иные основываются на впечатлѣніяхъ, производимыхъ предметами; н. п. въ Минералогіи драгоцѣнные камни отличаются цвѣтами. Можно также соединить многіе признаки, или всѣ вмѣстѣ принимать. Вернеръ смотрѣлъ на всѣ наружные признаки и для опредѣленія видовъ соединилъ вмѣстѣ всѣ признаки, постигаемые пятью чувствами.

Классорасположеніе есть не иное что, какъ анализисъ; и потому очевидна его польза для совершенствованія познаній. Посредствомъ его облегчается ученіе науки; кто знаетъ ее, вѣрнѣе удерживаетъ въ памяти и легче припоминаетъ нужныя для себя истины; сравненія дѣлаются удобнѣе и слѣдствія ихъ точнѣе и опредѣленнѣе. Искусственное классорасположеніе ведетъ насъ къ открытію классорасположенія естественнаго; потому что, сравнивая предметы и свойства ихъ, мы удобнѣе познаемъ ихъ отношенія и зако-

ны составленія и приближаемся къ изслѣдованіямъ началъ, изъ которыхъ они состоятъ.

Для сего разумъ выводитъ правила; сіи правила примѣнимъ къ системамъ Естественной Исторіи, какъ самымъ очевиднымъ. Должно избирать для означенія рода или вида признаки, постоянно въ нихъ находящіеся. Въ семъ отношеніи системы Турнефорта и самаго Линнея недостаточны. Въ одномъ и томъ же семействѣ растѣній число тычинокъ и пестиковъ встрѣчается различное.

Необходимо основывать классорасположеніе на признакахъ важнѣйшихъ, существенныхъ. Принимая въ основаніе кристаллизацію, Линней помѣщаетъ въ одномъ классѣ съ алмазомъ самородные квасцы, потому только, что сіи оба вещества имѣютъ кристаллизацію осьмигранную. Въ семъ отношеніи система Ботаники Жюсье предпочтительнѣе предъ системами Турнефорта и Линнея. Равно наблюденія Ромеде Лилля и Гайю усовершенствовали систему Минералогіи.

Надобно приводить расположеніе въ систему простѣйшую и однообразную.

Въ семъ отношеніи система Линнеева удовлетворительна: всѣ отличительные признаки заключаются въ цвѣткѣ.

Кромѣ сихъ условій, выведенныхъ изъ отношенія отличительныхъ свойствъ предметовъ между собою, есть условія, зависящія отъ отношенія, какое сіи свойства имѣютъ къ намъ самимъ. По етому отличительной признакъ долженъ быть совершенно замѣчателенъ; а дѣленіе на классы должно быть легкое какъ для вниманія, такъ и для памяти. Въ семъ отношеніи недостаточна система Линнея, напротивъ превосходна система Жюсье. Первый принимаетъ главныхъ классовъ двадцать четыре; другой только два класса. Система перваго замѣчательна по симметріи своей; система втораго есть истинно философическая.

Здѣсь болѣе нежели въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ видна важность знаковъ, изображающихъ роды, виды и особыя понятія. Если же собраніе знаковъ, изображающихъ свойства предметовъ, мы называемъ *языкомъ науки:* то недовольно будетъ говорить, какъ говорилъ Кондильякъ: *что нужно совершенствовать языкъ для совершенствованія науки;* но ска-

жемъ съ Дежерандо: *что опредѣленность языка показываетъ совершенство науки;* ибо прежде нужно имѣть вѣрныя наблюденія, а потомъ языкъ, приличный сдѣланнымъ наблюденіямъ. Съ сими условіями необходимо приобрѣтается и совершенство въ сообщеніи другимъ истинъ науки.

Чтожъ, спросятъ, заключить о достовѣрности знаній *Историческихъ*, основанныхъ на свидѣтельствѣ другихъ, или знаній, основанныхъ на предположеніяхъ, каковы Медицинскія, гдѣ между данными условіями состава человѣческаго и лѣчебными средствами находится необъятная пустота неизвѣстности?

Вѣроятность предположеній зависитъ отъ степени болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ. Касательно же преданій историческихъ, отличать должно: свидѣтельство *очевидца*, преданіе *изустное* и *творенія историческія*.

Говорятъ, что для етаго довольно общаго согласія. — Но Философъ знаетъ, что сіе общее согласіе часто зависитъ отъ привычки такъ, а не иначе мыслить, и что часто одинъ человѣкъ увлекаетъ

за собою толпу людей, тоже подтверждающихъ, хотя бы сами не видали и не знали предмета.

Если мы увѣрены, что совершенно понимаемъ свидѣтельствующаго; если увѣрены въ его безпристрастіи; если увѣрены и въ томъ, что онъ самъ не могъ ошибиться: тогда такое познаніе равняется въ истинѣ своей познанію опытному.

ГЛАВА XII.

Приложеніе общей методы мыслить ко всѣмъ знаніямъ и наукамъ.

Мы разсмотрѣли различныя душевныя способности, ихъ дѣйствія въ приобрѣтеніи познаній и законы, на которыхъ основывается истина сихъ познаній. Мы узнали условія, необходимыя для приобрѣтенія истинныхъ познаній, составляющихъ предметъ мыслящаго существа нашего, какъ со стороны способностей душевныхъ, такъ и со стороны употребленія законовъ разума. Обратимъ теперь вниманіе на *приложеніе сихъ общихъ способовъ мыслить къ различнымъ знаніямъ и наукамъ.* Въ семъ только изслѣдованіи увидимъ все превосходство Логики и необходимость ея, какъ науки всѣхъ наукъ, во всякой теоріи. До сихъ поръ мы дѣлали то же, что сдѣлалъ бы Анатомикъ, показавъ намъ на трупѣ все строеніе человѣческаго тѣла; что сдѣлалъ бы Физіологъ, показавъ живыя дѣйствія сего устроенія. Остается знать, что покажетъ врачъ въ Патологіи и Терапіи, встрѣчая строеніе тѣла нашего поврежденнымъ; или желая предохранить его отъ поврежденія.

Всѣ науки суть роды и виды одного высшаго рода — разума, безсмертной нашей души — изображеніе Свѣта свѣтовъ. Принявъ ето за основаніе, должны мы также заключить, что всѣ знанія и науки имѣютъ одинакія начала; потому что законы мыслящаго существа нашего однообразны и неизмѣняемы. Отъ того-то, говорили мы въ самомъ началѣ, всякой человѣкъ философствуетъ и всякая наука имѣетъ свою *Философію*. Когда же изслѣдованія наши обращаются на насъ самихъ, на мыслящее наше существо: тогда онѣ составляютъ систему наблюденій *собственно философическихъ*.

И такъ, принимая Логику въ истинномъ смыслѣ — разумѣя настоящее ея употребленіе, а не суетныя и ничтожныя изысканія — короче, разумѣя подъ сею наукою начальныя или основныя истины всѣхъ и каждой науки, можно ли сомнѣваться въ томъ, что Логика и опытность не только не противорѣчатъ одна другой, напротивъ подаютъ взаимную помощь? Первая безъ помощи опытности немоглабъ ничего предпринимать; равно опытность безъ помощи первой немоглабъ ничего оканчивать. Можетъ ли художникъ, при всемъ искусствѣ своемъ, произвесть что-либо безъ нужныхъ матеріаловъ? Равно, какую пользу принесла бы богатая руда, еслибъ

искусство не извлекло ее изъ глубокихъ нѣдръ земли? Симъ сравненіемъ нѣсколько объясняются крайности отвлеченныхъ разсужденій: онѣ были безполезны безъ наблюденій и опытовъ; онѣ же были спасительны подъ руководствомъ умовъ наблюдательныхъ. Не будемъ слушать поверхностныхъ возраженій противъ Логики и Метафизики, которыя идутъ вмѣстѣ и взаимно помогаютъ одна другой; большей части людей извѣстны только безполезные споры Метафизическіе; немногіе знаютъ вліяніе сихъ наукъ на всѣ познанія. Не Метафизикѣ ли обязаны мы щастливою мыслію приложенія Алгебры къ Геометріи, отъ котораго Математическія науки получили удивительные успѣхи? Не Метафизика ли родила мысль о возможныхъ вѣроятностяхъ, открыла отношенія между явленіями природы и законами Математики — возвысила умъ къ измѣренію небесныхъ свѣтилъ, ихъ движенія — не она ли родила мысль въ творческомъ геніѣ о всеобщемъ тяготѣніи? Не Метафизика ли облегчила всѣ науки, приведя въ порядокъ предметы каждой и показавъ ихъ начала? Не Логика ли образовала языкъ каждой науки и объяснила ихъ опредѣленія? Тѣ, которые по невѣдѣнію пренебрегаютъ правилами Метафизическими и Логическими, а по видимому руководству-

ются опытностью, тѣ самые невольно пользуются внушеніями Логики и Метафизики, когда въ извѣстныхъ истинахъ хотятъ открыть новыя, неизвѣстныя. Такіе умы пренебрегаютъ всѣмъ, что имѣетъ видъ правилъ, и незамѣчаютъ, что сіи самыя правила не иное что, какъ кратчайшія выраженія, выведенныя изъ опытности. Отъ того они изъ подобныхъ замѣчаній опытности не могутъ дѣлать никакого приложенія; они никогда не думали въ прошедшемъ видѣть тайну будущаго. Для такихъ людей опытность безъ основаній Метафизическихъ есть безполезное бремя; они принуждены всегда обращаться къ прежнимъ условіямъ — всегда заключены въ частныхъ предположеніяхъ. Будучи простыми зрителями природы, они не дерзаютъ вопрошать ее, не дерзаютъ идти предъ нею путемъ разума. Мудрость, ими прославляемая, есть не иное что, какъ навыкъ, праздность и недѣятельность ума.

Заключимъ, что Логика есть наука приготовительная для всѣхъ прочихъ знаній. Всякой кругъ познаній заключаетъ въ себѣ какъ бы особое семейство понятій, ему только свойственныхъ. Какая же наука согласитъ всѣ сіи круги познаній въ одну систему — покажетъ отношенія ихъ и общія свойства? Ето есть пред-

метъ Логики. Она показываетъ вмѣстѣ, какую взаимную помощь могутъ подавать науки одна другой, полагаетъ многимъ основанія и начала и всѣмъ преподаетъ правила.

Причина препятствій въ наблюденіяхъ сего рода, заблужденій и невѣрности заключается въ трудности самыхъ наблюденій, долженствующихъ служить началами и основаніемъ всѣмъ прочимъ. Представьте удаленіе себя отъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ, отъ призраковъ воображенія, отъ мечтательныхъ и безобразныхъ воспоминаній — преодолѣніе всего вещественнаго существа своего — спокойное и постоянное размышленіе — отвлеченіе себя самаго, чтобъ наблюдать мыслящее существо въ различныхъ видахъ и измѣненіяхъ: вотъ чего требуютъ наблюденія Философическія. Рѣдко всѣ сіи условія соединяются въ одномъ человѣкѣ; отъ того многихъ ли видимъ, жертвующихъ собою для сего рода наблюденій?

Но предположимъ всѣ сіи условія въ наблюдателѣ: сколько новыхъ затрудненій встрѣчается въ самомъ предметѣ наблюденій, состоящемъ большею частію изъ отвлеченіи! Не отъ того ли Исторія Философіи представляетъ намъ безпрерывное измѣненіе сего ученія? Иногда наблюдатели не довольно проникали во всѣ изгибы мыслей нашихъ, не старались най-

ти связь между всѣми ими; или, сдѣлавъ поверхностное сличеніе, выводили изъ мнимыхъ началъ слишкомъ рѣшительныя заключенія; или, утомившись отъ столькихъ препятствій, принимали за основаніе умозрѣніе и безплодное собраніе словъ; или наконецъ предавались воображенію, которое творило для нихъ новый міръ идеальный, ни мало не заботясь о наблюденіяхъ и опытахъ.

Таково свойство человѣка: онъ всегда замѣчаетъ лучше то, что почитаетъ болѣе полезнымъ. Какія же надежды могутъ питать человѣка въ такомъ родѣ наукъ, которыя большей части людей кажутся ненужными, скажемъ болѣе, ненавистными; ибо ставятъ предъ ними зерцало, изображающее всѣ ихъ слабости, недостатки и пороки, и потому что, желая снять съ нихъ кору невѣдѣнія и заблужденій, желаютъ ихъ облагородствовать и возвысить къ настоящему предназначенію. Отъ того небрежность и равнодушіе къ познаніямъ, объясняющимъ человѣка и чувствующаго, и желающаго, и мыслящаго. Сколько полезныхъ наблюденій можно бы сдѣлать, разсматривая человѣка въ различныхъ возрастахъ жизни, въ различныхъ странахъ, при различномъ образѣ правленія и другихъ обстоятельствахъ! Люди, имѣя страсть къ путешествіямъ, обыкно-

венно приносятъ съ собою подробныя описанія мѣстоположеній, произведеній земли; но многіе ли сообщаютъ намъ свѣдѣнія о нравахъ людей, мнѣніяхъ и мысляхъ — вообще о нравственномъ состояніи народовъ? Человѣкъ, употребляя столько усилій къ открытію новыхъ земель, кажется, менѣе всего думаетъ о самомъ себѣ. Будетъ ли время, когда Философъ соединится съ Географомъ и Натуралистомъ, чтобы вмѣстѣ обозрѣть обѣ половины земнаго шара?

Но, прежде нежели рѣшимся отважиться на сіи изслѣдованія, мы должны бы проникнуть людей, насъ окружающихъ. Мы думаемъ научиться разсуждать, затвердивъ опредѣленія науки; но совсѣмъ не думаемъ познавать чувствованія, страсти и мнѣнія намъ надобныхъ. Мы единственно хотимъ учить; ни мало нестараемся сами учиться у дѣтей и простолюдиновъ, нами презираемыхъ. Сколько новыхъ мыслей открывается для Философа при разсматриваніи развитія способностей мыслящаго существа! Здѣсь усматриваемъ мы происхожденіе понятій, сужденій, желаній — и здѣсь находимъ нить, которая должна вести насъ по лабиринту собственныхъ мыслей.

Препятствія, замедляющія успѣхи науки о разумѣ, показываютъ и средства для

ея совершенствованія и успѣховъ. Станемъ наблюдать самихъ себя, начиная съ наблюденій Анатомическихъ и Физіологическихъ; съ симъ запасомъ приступимъ къ Психологіи и Логикѣ. Тогда съ анализисомъ Математическимъ будемъ умѣть дѣлать приложеніе Логики къ другимъ наукамъ; тогда, узнавъ недостатки способностей своихъ, будемъ умѣть ихъ образовать и совершенствовать; тогда наконецъ не только будемъ въ состояніи правильно разсматривать предметы настоящіе; но по опытамъ, прежде бывшимъ, станемъ съ достовѣрностію заключать и о событіяхъ будущихъ: потому что къ *наукѣ другихъ наукъ* — vitae humanae perfectio nec non mortis meditatio — *единственно можетъ вести насъ изслѣдованіе законовъ духа человѣческаго.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ВВЕДЕНІЕ.

Предварительныя понятія о Философіи. 5

ГЛАВА I.

Важнѣйшіе успѣхи въ Логикѣ. Части ея. Опредѣленіе цѣли и предмета. - 15

ГЛАВА II.

Самоощущеніе. Ощущенія предметовъ. Свободная дѣятельность души. - - 22

ГЛАВА III.

Душевныя способности. Различныя представленія въ умѣ. Понятія. - - 26

ГЛАВА IV.

Происхожденіе понятій. Есть ли общія врожденныя истины? Что значатъ общія правила нравственности. - - 37

ГЛАВА V.

Составленіе понятій. Опредѣленіе ихъ. Законы мыслящей способности. - - 50

ГЛАВА VI.

Сужденія. Ихъ свойство и законы, составъ и различные роды. Вѣрность и точность сужденій. - - - 66

Стран.

ГЛАВА VII.

Умозаключенія. Правила, относящіяся къ составленію силлогизмовъ. Ихъ роды и виды. - - - - - 86

ГЛАВА VIII.

Топики. Доводы и разсужденія. Способъ располагать разсужденія. - - - 104

ГЛАВА IX.

Дѣйствительность знаній. Объ истинѣ вообще. О знакахъ, какъ необходимомъ условіи знаній и истины. - - 115

ГЛАВА X.

Ограниченность человѣческихъ познаній. Причины заблужденій. Образованіе душевныхъ способностей. - - - 122

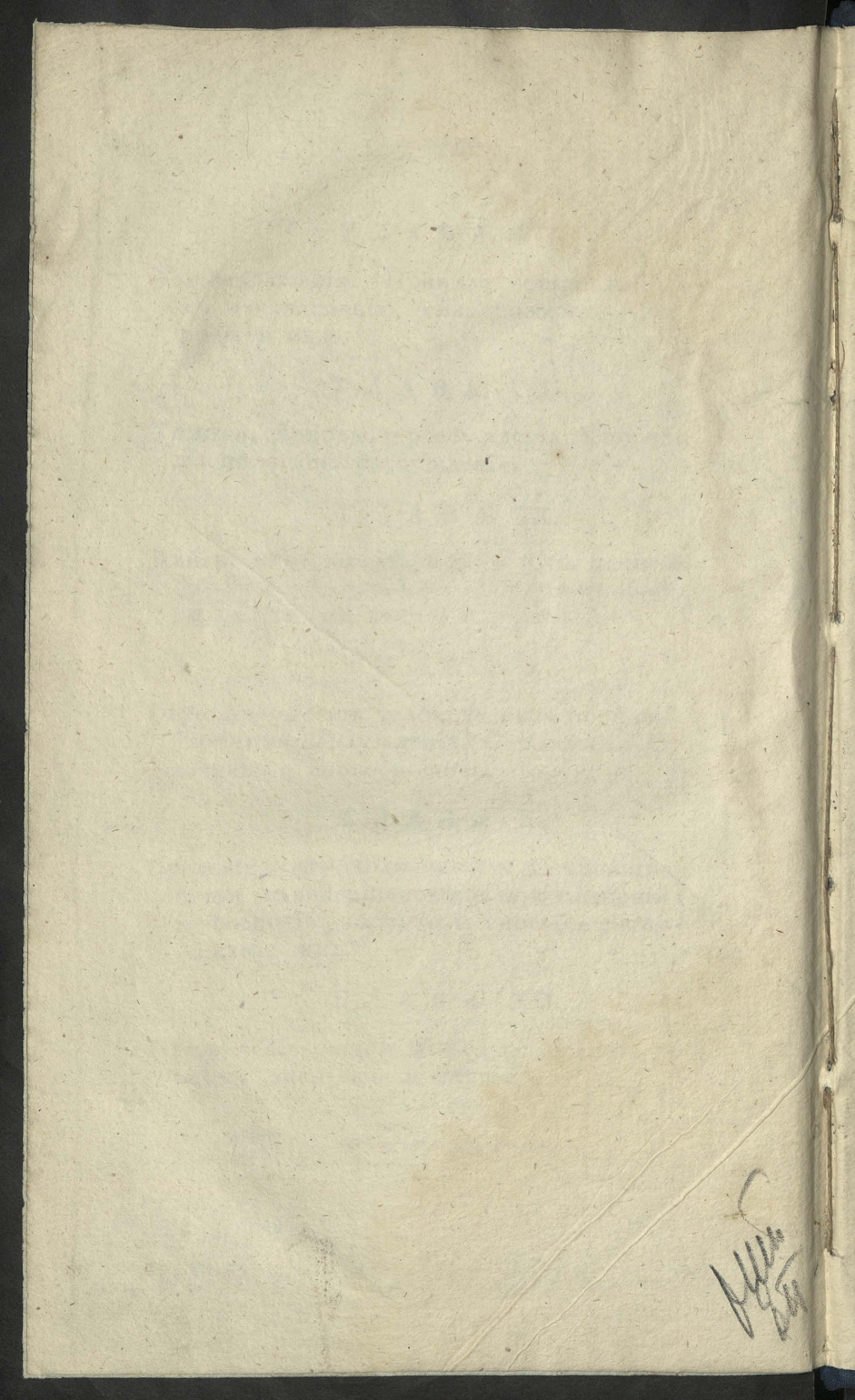
ГЛАВА XI.

Средства, необходимыя для распространенія и совершенствованія познаній: наблюденія, опыты и способъ расположенія ихъ. - - - - - 129

ГЛАВА XII.

Приложеніе общей методы мыслить ко всѣмъ знаніямъ и наукамъ. - - 142

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
30571-0 Инв. XIX-9513



Инв XIX-9512, 9513